

Уильям Стайрон

Венерический корпус

Перевод с английского Романа Мархолиа

Без сомнения, Стайрон - самый выдающийся американский драматург своего поколения.

Уолл Стрит Журнал

Посвящается Роберту Д. Лумису.

«Венерический корпус» был впервые поставлен 15 декабря 1972 года в Йельском репертуарном театре города Нью Хэвена, штат Коннектикут следующим составом исполнителей:

Уоллас Магрудер пациент госпиталя- Майлс Чапин

Шварц, пациент- Евгений Трубник

Доктор Гланц, уролог- Джереми Гейдт

Линвивер - медбрат - Николас Хорман

Капитан Бадвинкель, начальник госпиталя - Поль Шиерхорн

Лоренцо Кларк, пациент- Ганнибал Пенни

Станчик, пациент - Джозеф Грифаси

Дадарио, пациент- Майкл Гросс

Мак Даниел, пациент - Уильям Лудел

Чалкли, пациент - Стивен Робман

Капелан Чаплин- Билл Джерхарт

Помощник капеллана - Томас Лантер

Старшина, военный полицейский - Стивен Робман

Место действия:

Действие пьесы проходит в Урологическом отделении Госпиталя большой военно-морской базы на юге страны.

Время действия:

лето 1943 года.

Первый акт

Сцена первая

Лето 1943 года. Все действие проходит в палате военно-морского госпиталя на юге страны. Обстановка несколько отличается от обычной больницы. Посреди сцены стоят два ряда по девять кроватей в каждом ряду. Кровати расставлены так, чтобы публика могла видеть каждую кровать и каждого персонажа. На левом крае сценической площадки - кабинет главного уролога, доктора Гланца, который управляет отделением из этой наполненной урологическими инструментами и медицинскими книгами комнаты. Справа от этой комнаты, за дверью палаты - стул и рабочий стол- санитаря первого класса- Линвивера, заместителя Гланца и старшего санитаря отделения.

Звездно-полосатый флаг развивается вдали сзади.

*Действие начинается за несколько минут до половины седьмого утра, времени подъема, когда обитатели палаты еще спят. Шорохи и движения в кроватях. Слышен храп. Кто-то бормочет, стонет: «Солнышко! Солнышко!» как в лихорадке. Линвивер, худой, нескладный, немного женственный моряк, в белой летней форме сидит у себя за столом. Он пишет отчет карандашом. Внезапно глядит на часы и встает. Медленно входит в палату, чтобы разбудить пациентов. Он легкий, веселый, его женственность достаточно заметна, но не карикатурна. **Линвивер.** (у него певучий приятный голос) Итак, встаем, просыпаемся! Поднимаемся и приводим себя в порядок, эй вы, морские котики! Осмотр ваших пистолетов через десять минут.*

Раздаются недовольные возгласы. Кто-то садится на кровать и лениво потягивается. Кто-то поднимается и садиться на кровать, опираясь на подушки. Один или двое встают и разминаются, одетые, как и все остальные, в военно-морское цвета хаки нижнее белье.

Только дремлющий негр - очевидно очень больной- и моряк, который кричал во сне «Солнышко! Соннышко!» лежат

практически неподвижно под своими покрывалами, не обращая внимание на команды Линвивера. Один пехотинец, капрал Станцик, недовольно выговаривает свои обиды Линвиверу.

Станцик. *(Манера говорить простого докера)* Что б тебя, Линвивер, гнида ползучая.

Линвивер. *(добродушно)* Поднимайся- поднимайся. Доктор Гланц хочет взглянуть на твой инструмент.

Станцик. Дай мне поспать, педик.

Линвивер. *(Стучит по кровати рукой)* Я не шучу, Станцик, доктор Гланц идет сюда вместе со стариной Бадвинкелем. И вы, парни, должны выглядеть безупречно.

(Станцик окончательно просыпается. Дадарио, пациент, который стоит рядом, играет своими мускулами, зевает и реагирует с ленивым сарказмом)

Дадарио. Как может дюжина парней выглядеть безупречно в половине шестого утра, когда их вытаскивают за яйца из кровати?

Линвивер. *(Сохраняя чувство юмора)* Просто напряги воображение. Подумай о чем-нибудь хорошем *(про себя)* Для меня вы все красавцы.

Станцик. *(выбираясь из постели)* Да... Что же мне такое приснилось...

Линвивер. Не обращай внимания.

(Он останавливается перед кроватью пациента, который кричал во сне. Это рядовой матрос лет двадцати с чем-то, по имени Чакли. Он очень худой и болезненного вида человек. Только что проснулся, весь мокрый от пота, остекленевший взгляд очень больного человека. Линвивер щупает его пульс и вставляет градусник ему в рот, затем делает какие-то пометки на карточке, которая приделана к спинке кровати. В то время, пока он занимается больным пациенты занимаются кто чем: один листает журнал с комиксами, другой разминается, кто-то играет в карты, кто-то включил радио и слушает песню «Don't Fence me In» Два пациента рядом с кроватью Чакли говорят о нем.)

Дадарио. Ты слышал Чакли? Ты слышал его, Шварц? Он всю ночь кричал «Солнышко!», «Солнышко!» Это достало меня. Я не мог уснуть. Кого он звал, как думаешь?

Шварц. *(серьезный еврей в очках, возможно на несколько лет старше других пациентов, большинство из которых лет двадцати. Он отрывает взгляд от книги.)* Свою сестру. Больше у него никого нет. Ее сбила машина, в Атланте, мне кажется. Она в очень плохом состоянии. Чакли рассказывал мне о ней на прошлой неделе, до того, как ему стало хуже. Бедный парень.

Дадарио. Они должны держать таких, как он в отдельной палате. Это было бы лучше и для него и для нас. Я не могу всю ночь слышать его крики. Это сводит меня с ума.

Шварц. *(Возвращаясь к книге)* Бедный парень.

Станцик. *(к Дадарио)* Дадарио, тебя что больше заводит жопы или сиськи? Меня, например, жопы. Когда я думаю о заднице, в которую можно было бы засадить пару палок, я захожусь по настоящему.

Дадарио. *(Он бреется электрической бритвой)* Что касается меня, то меня заводят и жопы и сиськи, Станцик. Чувство гармонии, вот что нужно миру, если хочешь знать мое мнение.

Линвивер. *(остановился у кровати чернокожего по имени Лоренцо Кларк. Чернокожий проснулся, но выглядит изможденно)* Как себя чувствуешь, Лоренцо? У тебя сегодня такой вид, будто сам черт тебе не брат.

Кларк. Приятель, у меня были времена и получше. Каждый день мои яйца все чернее и чернее. Как думаешь, почему это?

Линвивер. *(проверяет его пульс)* Все будет хорошо, Лоренцо. Потерпи. Лежи себе и жди. *(Нота фальшивой веселости в голосе)* Тебя выпишут на День Труда, будешь уплетать барбекю из свиных ребрышек и вспоминать наши джунгли в Порт Рояле, как дурной сон. Мне кажется, ты не прочь хорошенько позавтракать?

Кларк. *(вяло)* Мне довольно хреново. Лучше оставь меня в покое.

Линвивер. Где твоя карта, моряк?

(Он внимательно смотрит на очень молодого матроса, который старается осторожно пройти мимо него. Этот рядовой матрос, по имени Уолли Макгрудер. Он одет в такую же белую госпитальную робу, что и остальные уже одетые пациенты. С первого взгляда в нем заметны растерянность, смущение и тоска)

Макгрудер. Я.. мне нужно в туалет, я имею в виду ...

Линвивер. *(настойчиво)* Нет-Нет! Только после того, как я увижу твой диагноз. Ты новенький. Ты прибыл прошлой ночью, во время другого дежурства?

Макгрудер. Да, я пришел около десяти. Я...

Линвивер. *(Изучает карту Макгрудера)* О, «Уоллас Макгрудер, рядовой, личный номер пять-четыре-два-три-ноль-семь-восемьнадцать лет, родился в Денвилле, Вирджиния, опытный снайпер, закончил курсы 417-го полка. Серологический тест выявил сифилис». Сифилис! *(Обращается к Макгрудеру почти с восхищением)* Настоящий живой сифилитик! Три плюс и реакция Вассермана. Ты что, сексуальный дьявол? Аристократ, среди венерических плебеев, наследник Казановы, Мопассана и Бодлера? Добро пожаловать на борт, Макгрудер. У нас не было сифилитиков с прошлого месяца. *(Указывает на остальных пациентов, некоторые из которых наблюдают за происходящим)* На фоне заурядной гонореи, твоя болезнь цветет, как ядовитое дерево. *(В сторону)* Я смеюсь, как подорванный, но плачу про себя. Это абсолютно неизлечимо.

Дадарио. *(Станцику)* Это полная жопа. Понимаешь, о чем я?

Линвивер. Среди этих заурядных трахальщиков ты будешь, как принц среди плебеев. Но пусть это не вскружит тебе голову.

Дадарио. Вы о чем? Это на самом деле...

Линвивер. Личный осмотр, Уолли. Каждое утро, ровно в шесть сорок осмотр у доктора Гланца. А сегодня здесь будет еще и капитан Бадвинкель, новый начальник госпиталя.

Дадарио. Мне казалось, что такие осмотры бывают только в тюрьме. Я имею в виду...

(В этот момент зажигается свет в кабинете старшего уролога. В комнате находится доктор Гланц в форме лейтенанта и капитан Бадвинкель. Доктор Гланц низкий, официального вида человек, сидящий и в очках. Каждый его жест заранее выражает послушание и подчинение долгу. Капитан Бадвинкель выглядит, как голливудский вариант военно-морского офицера- властный, аристократичная осанка, независимый и гордый. Его форма украшена медалями и воинскими знаками за сражения, доходящими почти до плеч. Доктор Гланц берет папку бумаг и они продолжают разговор жестикулируя за стеклом в то время, как Линвивер продолжает.)

Линвивер. Обрати внимание, сынок. На самом деле, большое количество прозрачной слизи - называемое смешным словом уретрит, которая собирается на конце мужского органа является показателем лечения от гонореи, не сифилиса. Но часто такие ребята, как ты попадают к нам, подхватив оба этих заболевания, поэтому личный осмотр тебе необходим, по крайней мере, первые несколько дней. Итак, сначала осмотр, а потом уже пи-пи.

Макгрудер. *(безысходно)* Хорошо. О, господи! Хорошо.
(В то время, как доктор Гланц говорит с капитаном Бадвинкелем, пациенты продолжают свои утренние приготовления.)

Гланц. Нам кажется, что это признак разложения армии, если мы наблюдаем такое опасное распространение венерических заболеваний во время войны. Конечно, эта проблема всегда была с нами, и на море и на суше. Это правда. Но никогда прежде мы не сталкивались лицом к лицу с таким ростом заболеваний.

Бадвинкель. Да, доктор Гланц, я солидарен с Вашей тревогой. Конечно, я не врач. Но как руководитель, я очень озабочен. Вашингтон тоже озабочен. Ненужно говорить, что я оказался в этот трудный час здесь не для того, чтобы попить пиво и поиграть в кегли. Одна из моих первых и самых важных обязанностей - позволю себе заметить - взять под контроль ситуацию с венерическими заболеваниями. Образно говоря, провести наш корабль сквозь рифы и скалы.

Гланц. Да, капитан, ничего не может быть более очевидным доказательством разложения, чем та картина, которую мы можем наблюдать здесь *(Показывает на схему)* Из наших пятнадцати пациентов только четверо здесь не болеют венерическими заболеваниями. Самое серьезное заболевание пилонефрит, боюсь хронический. Он должен был быть выявлен при первом же медосмотре, но этого не случилось и пациент сейчас медленно умирает на государственном обеспечении. Второй случай не венерического происхождения - банальное обрезаение. Третий - камни в почках. Четвертый и последний - подозрение на туберкулез почек. Вас не удивляет, что обрезаение у нас тоже проходит, как заболевание? *(Смеется)* Ладно, остальные наши пациенты - венерические больные, практически у всех - гонорея. Это совершенно безнравственная и приводящая в уныние картина, с которой капитан уже вкратце ознакомился.

Бадвинкель. Насколько хорошо ваши случаи гонореи поддаются лечению новыми сульфидными препаратами, Гланц? Если они совсем не помогают, как я уже слышал, то нам придется принять самые жесткие меры в портах и стоянках.

Гланц. В целом, Ваша информация верная, хотя в отдельных случаях мы наблюдаем значительные улучшения.

Бадвинкель. Я знаю, среди ваших пациентов были случаи паховой гранулемы. Она поддается лечению сульфидом?

Гланц. Можно сказать, совсем не поддается, капитан. Вот у этого цветного парня язвы в паху и этого его совершенно обессилило. Мы, к сожалению, не можем ему ничем помочь. Он протянет недолго. Мы благодарим бога за то, что гранулема бывает, как правило, у чернокожих.

Бадвинкель. Это ужасная болезнь, с большой смертностью.

Гланц. Да, сэр. Нас часто бросает в дрожь при мысли, что гранулема могла бы легко передаваться при контакте между белыми парными и черными женщинами. Наши парни ведут беспорядочную жизнь.

Бадвинкель. Знаете, Гланц, я недавно услышал о потрясающем лекарстве, разработанном в Англии. Мне кажется, оно называется пенициллин. (*делает ударение на неправильном слоге*) Оно просто чудотворно и воздействует на множество в прошлом неизлечимых болезней. К сожалению, мне кажется, оно не будет доступным для нас до следующего года.

Гланц. Пенициллин, сэр. Да, мы слышали об этом лекарстве. Оно может стать спасением. Но не вызовет ли это других проблем, сэр?

Бадвинкель. В каком смысле?

Гланц. Ну, если оно будет лечить большинство венерических заболеваний, то не откроет ли это дорогу пороку? Развратник станет потакать своим слабостям в надежде на безнаказанность, он отбросит все предосторожности. Всеобщее распутство грозит нации!

Бадвинкель. Спаси нас Господи, доктор Гланц.

Гланц. Прежние сдерживающие догмы морали уже не работают. Казалось бы, случаи страшных заболеваний должны сдерживать и устрашать, но не тут то было. Похоже, уже абсолютно ничего не может быть тормозом. Ребята сношаются, как кролики, даже не используя элементарные средства предохранения в виде кондомов,

которые в целях профилактики мы выдаем бесплатно. Совершенно бесплатно, сэр.

Бадвинкель. Самые главные, я бы сказал, самые влиятельные силы в Вашингтоне разделяют Вашу тревогу, Гланц. С другой стороны, есть такие сентиментальные и чувствительные персонажи в Военно морском министерстве, которые склонны преуменьшать ужас венерической эпидемии в армии. Они предлагают ликвидировать, как унижительную процедуру ежедневный осмотр личного состава. Если Вы хотите знать мое мнение, Гланц, но это строго между нами – эти новые веяния имеют большое влияние благодаря поддержке Элеонор Рузвельт.

Гланц. Я чувствую, с личным осмотром в армии скоро придется распрощаться.

(Больные начинают выстраиваться в ряд перед своими кроватями)

Бадвинкель. Мы говорим об эпидемии гонореи, а что будет, когда мы столкнемся с сифилисом.

Гланц. От одного до другого всего один шаг, сэр. Сифилис! Это старая грязная шлюха готовит нам много сюрпризов. Если эпидемию не убить в зародыше, то последствия будут страшные. Например, только прошлой ночью к нам поступил молодой восемнадцати летний моряк, с невероятно высоким показателем реакции Вассермана. Я уверен, что его сифилис уже достаточно развитый, но точный диагноз поставить чертовски сложно, будем говорить правду. Он отказывается говорить об обычных в таком случае симптомах. Он также отрицает, что вступал в беспорядочные связи. Нам кажется, что этот парень просто нам врет. Он юлит, но нам кажется, что он великий развратник.

Бадвинкель. *(смеется)* Это должно быть не сложно, подобрать к нему ключик. Мне кажется, достаточно поворошить его сексуальное прошлое и оттуда выползет целое ведро червей.

Гланц. О, да ,сэр, Вы попали в точку. Это самое главное. Детальное изучение сексуальной истории венерических больных - часто самый правильный путь в верному диагнозу.

Линвивер. *(в дверях кабинета)* Все больные построены для личного осмотра, сэр.

(Кричит пациентам) Равняйся!

Гланц. Спасибо, Линвивер. *(Они входят в палату)* Ничто не заменит старого - доброго личного осмотра для свидетельства прогресса в лечении. Возможно, кому-то покажется это примитивным методом для такой развитой отрасли, но пока никто ничего лучшего не изобрел.

(Пациенты выстроились вдоль своих кроватей. В сопровождении Линневивера и Бадвинкеля Гланц проходит вдоль шеренги и останавливается рядом с Дадарио)

Линвивер. *(Смотрит на гениталии Дадарио)* Ну, что, здравствуй красавец. Оттяни кожу. Сожми. Разбуди его.

Гланц. У тебя все хорошо подсыхает, Дадарио. *(Бадвинкелю)* Это типичный случай гонореи без осложнений, когда она хорошо реагирует на сульфамиды. Завтра, скорее всего, выделения уже прекратятся, и тогда мы начнем применять различные мази и препараты против гонококков. Уверен, что этот парень выйдет отсюда в конце недели.

Бадвинкель. Думаю, что теперь ты пойдешь по прямой дороге, Дадарио. Постарайся держать под контролем своего дружка. Америка умеет воевать, но без сомнений она проиграет, если ее бойцы станут сражаться не на поле боя, а под одеялом. Согласен, Дадарио?

Дадарио. Так точно, сэр! Я постараюсь, сэр! *(Пауза)* Доктор Гланц, сэр, я бы хотел пожаловаться.

Гланц. В чем дело, Дадарио?

Дадарио. В Чакли. *(Показывает на больного, лежащего на соседней кровати)* Он бредил всю ночь. Я не мог уснуть. Это сводит меня с ума. Прошу перевести меня на другую кровать, куда-нибудь подальше от него, сэр.

Гланц. *(Подходит к кровати Чакли)* Боюсь, придется потерпеть. Тебе, вероятно, осталось всего несколько дней здесь. *(Смотрит на больного Чакли и говорит Бадвинкелю)* Откровенно говоря, мы не думаем, что этот парень протянет долго. При его давлении сердце может не выдержать в любой момент.

Линвивер. *(Станцику ядовито)* Что такой кислый сегодня, красавчик. Кожу оттяни.

Гланц. Это очень трудный случай, с продолжающимися выделениями и воспалением яичек. Посмотрите на эти пятна крови. Сульфамиды здесь не действуют, поэтому мы не знаем, сколько этот парень у нас здесь протянет. Основная причина в его случае,

как во многих других, в бурном темпераменте. Станцик говорит, что имел первую половую связь в девять лет-

Станцик. *(Весело)* В восемь, сэр.

Гланц. Значит в восемь. И хотя ему всего только двадцать четыре - у него уже было около пятидесяти женщин-

Станцик. Их было шестьдесят, Я говорил Вам. Помните тот список, который я написал..

Гланц. Шестьдесят! Еще более очевидно! Боже! Шестьдесят женщин, включая самых грязных портовых шлюх от Бостона до Сиэтла! *(Он повышает голос от негодования)* Разве это не доказательство, что Нация терпит поражение в борьбе с распутством? Линвивер, увеличьте этому человеку дозу сульфидов до максимальной каждые четыре часа.

Линвивер. Слушаюсь, сэр.

(Они проходят дальше)

Гланц. *(Замечает, что Бадвинкель морщится, когда они проходят мимо постели Кларка)* Этот мерзкий, едкий запах, сэр, признак последней стадии гранулемы. Боюсь, это безнадежно. У него все слишком далеко зашло, когда впервые обратился за помощью.

(После того, как он осмотрел Мак Даниеля, он подходит к кровати Макгрудера) А вот здесь у нас сифилис, о котором мы Вам говорили. Напомни свое имя, сынок.

Макгрудер. Макгрудер, сэр. Рядовой Уоллас. Пять-четыре-два-три-семь, Морская пехота армии Соединенных Штатов.

Линвивер. *(плотоядно)* Не плохо для малыша. Кожу наверх. Сожми его. Подави.

Гланц. Выделений не видно. Это свидетельствует об отсутствии гонореи. Уже хорошо. Но что касается сифилиса, капитан, его показатели реакции Вассермана улетают в стратосферу. Макгрудер, мы хотим, чтобы ты повторил в присутствии капитана то, что ты говорил нам прошлой ночью. Первое: ты сказал, что никогда не видел у себя шанкра- отчетливую язву или нарыв- нигде у себя в интимных местах.

Макгрудер. Да, сэр, это правда. Никогда.

Гланц. Второе: в течение года или около этого ты не видел у себя на теле пятна или сыпи, которые бы сопровождались болезненными ощущениями или головной болью или кашлем или тошнотой?

Макгрудер. Нет, никогда, сэр.

Гланц. Видите, сэр, у него отсутствуют два основных симптома раннего сифилиса.

(Макгрудеру) Ты сказал нам вчера, что ты студент.

Макгрудер. Да, сэр, я проучился один семестр в колледже.

Гланц. Ты сказал, что изучал литературу. Что ты хочешь быть писателем, или поэтом, что-то вроде этого.

Макгрудер. Да, сэр. Я написал несколько коротких рассказов. И я пишу стихи - я пытаюсь.

Гланц. Чтобы быть писателем, надо обладать большой наблюдательностью, не так ли?

Макгрудер. Я думаю да, сэр.

Гланц. Думаешь? Ты знаешь абсолютно точно, что это так! И вот ты - студент с литературными амбициями, человек от которого требуется хорошая наблюдательность, ты стоишь здесь перед нами и утверждаешь, что никогда до этого не замечал у себя никаких симптомов или признаков?

Макгрудер. Это правда, Сэр.

Гланц. *(Качает головой)* Очень правдивая история. *(Бадвинкелю)* Прошлой ночью, сэр, когда мы его осматривали, мы заметили кое-что, что позволит в дальнейшем подтвердить наши предположения о сифилисе. *(Виртуозно надевает резиновую перчатку и берет пенис Макгрудера пальцами)* Как Вы можете видеть, мальчику делали обрезание. Ты какой веры, кстати?

Макгрудер. Я пресвитерианин, сэр.

Гланц. Склонный к дурным привычкам, не так ли, Макгрудер? А теперь заметьте, капитан, маленькое, розовое пятнышко, рельефный шрам, как раз рядом с головкой. На наш опытный взгляд - если у тебя есть иллюзии - это ничто другое, как шрам после венерического шанкра.

Макгрудер. Но я сказал Вам, сэр, что у меня этот шрам с детства.

Гланц. Тоже самое он говорил нам прошлой ночью. Есть сомнение в том, что шрам - следствие простого обрезания. *(Смеется)* Еще одна уловка, боюсь.

Бадвинкель. Да, доктор, все мы знакомы с этой, старой, как мир дилеммой - врача и диагноза. С одной стороны врач старается выудить из пациента правду, чтобы найти эффективный способ воздействовать на болезнь, применить свое священное искусство врачевания - лечить и вылечить пациента. С другой стороны: пациент, часто порочный и заблудший, старается скрыть правду -

что, само по себе понятно, так как правдивая история открыла бы его похождения, которые смердят, как вода из трюма в шанхайской лодке.

Макгрудер. Но, Сэр! У меня этот шрам с детства! Я его помню с тех пор, когда стал разглядывать это свое место. Я говорю Вам, Сэр, Вы должны мне поверить - у меня никогда не было никакой язвы - той штуки, которую Вы называете шанкр – ее никогда у меня не было!

Гланц. Макгрудер, позволь сказать тебе кое-что. Годы исследований опытных ученых, которые изобрели специальный тест на флоккуляцию крови- реакцию Вассермана и Канна- не могут быть дискредитированы твоими детскими воспоминаниями. В данный момент, мы признаем факт того, что у тебя когда-то был шанкр, также как мы признаем, что сейчас у тебя сифилис.

Бадвинкель. Ради бога, парень, сифилис - очень заразная болезнь! Хватить болтать! Ты не можешь так бессовестно вести себя, рискуя жизнью других - своих товарищей моряков, которые могут заразиться от тебя! Как тебе не стыдно, наконец!

Гланц. Линвивер, проследи, чтобы Макгрудер пользовался отдельным туалетом и душем для сифилитиков. И чтобы посуда, из которой он ест, была специально стерилизована и хранилась отдельно от посуды других. *(Бадвинкелю)* И теперь, сэр мы бы очень хотели, чтобы Вы увидели нашу лабораторию. Она у нас новая и самая современная.

(Они уходят со сцены направо)

Макгрудер. Боже! *(Садиться на кровать, обхватив голову руками, поза отчаяния)* О, Господи!

Линвивер. ОК парни! Можете быть свободны! Оправьтесь хорошенько и собирайтесь в кают-компанию через пятнадцать минут!

(Кроме двух тяжело больных и Макгрудера все пациенты берут свои полотенца, банные принадлежности и уходят)

Станчик. Ты везунчик, Дадарио. На следующих выходных тебя уже здесь не будет. Скажи мне, что ты сделаешь, прежде всего? Давай, я угадаю с трех раз.

Дадарио. Нет, я тебе сам скажу, что я собираюсь делать. Я возьму трехдневный отпуск и уеду в Саванну. Там я пойду в один из этих рыбных ресторанов в центре и закажу большую тарелку креветок. Затем я буду слоняться по всем городским барам, попивая виски...

Станцик. А затем тебя потянет на подвиги, в одно из тех злчных мест со сладкими кошечками...

Дадарио. Нет, Станцик, первый раз в жизни, единственный раз в жизни, я не собираюсь трахаться. Я буду только сидеть и пить свой виски, да вспоминать о Венерическом корпусе, о том, как вы тут поживаете, о нашей компании, и впервые в своей жизни я буду целомудренным, как фиалка, которая расцветает весной. И все!
(*Они выходят*)

Макгрудер. (*Самому себе*) Надо было думать - идиот! (*бьет себя по лбу, в отчаянии*) О, Господи! Нет!

Шварц. (*Он сидит поблизости*) Мне кажется, тебе надо успокоиться. Новички часто впадают здесь в панику. Это всегда шок. Успокойся. Твою болезнь можно лечить, если они поймут, как долго ты болеешь, и все такое. Я немного разбираюсь в этом. Я сам военврач - ОК, я сапожник без сапог - но я знаю многих парней, которые излечились от такой болезни. Все дело в том, как долго ты уже болеешь.

(*В то время, как Шварц говорит, Линвивер меряет давление у Чакли, потом подходит к кровати Кларка, надевая хирургическую маску, он поднимает простынь и делает Кларку подкожную инъекцию. Макгрудер и Шварц, реагируют на неприятный запах. Макгрудер с отвращением. Линвивер укрывает Кларка простынею.*)

Шварц. Почему такая вонь, Шварц?

Шварц. Кларк. Негр. Я никогда не произношу это слово. Я никогда не использую это слово. Ты знаешь, я сам из национальных меньшинств, но этот негр - настоящий дьявол.

Я думаю, он ненормальный. Он умирает. Поэтому от него такой запах. Я уже привык.

Макгрудер. А что у тебя?

Шварц. Туберкулез почки. Страшная болезнь. Я здесь уже давно. И для меня у них нет лекарств, и это очень плохо. А для тебя у них есть хорошие лекарства. В конце-концов, есть Магические пули Доктора Эхлича. Поэтому, не надо паниковать. Спокойней. Все будет хорошо, если у тебя это не очень запущено. Постарайся успокоиться.

Макгрудер. Что это за пули Доктора Эхлича?

Шварц. Неужели ты не видел фильм о Докторе Эхличе? В нем играл Эдвард Робинс. Крутое кино.! Я его хорошо помню ...

Макгрудер. *(нетерпеливо)* Но лекарство, что это за лекарство?

Шварц. Магическая пуля? Он изобрел некую химическую смесь. Сделанную из мышьяка или ртути, что-то вроде этого. Она называлась препарат 606. Это потому, что Эдвард Робинсон сделал прежде 606 экспериментов до того, как нашел средство, которое бы работало.

Макгрудер. Хорошо, а как оно действует?

Шварц. Я не знаю точно, как это работает. Но тот парень, который был здесь последним - тот моряк с сифилисом в прошлом месяце - они отправили его отсюда в госпиталь в Безесте. Они сказали, что делали ему эти инъекции пятнадцать месяцев.

Макгрудер. О. Боже! Пятнадцать месяцев. Это вечность.

Шварц. Но была смертельная угроза. Тут чего только не поделаешь.

Макгрудер. *(После длинной паузы встает на ноги)* Знаешь, это странно Шварц, - я не чувствую себя больным. Я чувствую себя хорошо! И единственная причина, по которой я пошел в матросы - это надежда, что я не буду бояться за свое здоровье. Понимаешь, когда я был штатским, я все время боялся чем-нибудь заболеть, боялся заболеть раком или туберкулезом. Кто-нибудь кашляет мне в лицо, и я весь день об этом думаю, воображая, что он заразил меня туберкулезом. Или артритом! Я купал коня в речке и потом я забыл об этом, но на следующий день почувствовал боль в ноге и сказал себе - "Черт, у меня артрит!" И тут же, решил, что у меня нога неизлечимо больна. Я нашел в себе силы пойти к доктору, и он сказал меня, что у меня всего лишь растяжение связок. Мне казалось, что я избавлюсь от всего этого, когда пойду служить во флот, бегая и маршируя, делая упражнения и все такое. И вот как я только стал моряком, что же случилось? У меня нашли сифилис. Самый высокий уровень реакции Вассермана за всю историю военно-морского флота Соединенных Штатов! В моем организме миллионы бактерий.

Шварц. Спирохеты...

Макгрудер. О чем ты?

Шварц. Не микробы внутри тебя, а спирохеты. Они так называются. Я видел их в микроскоп.

Макгрудер. Какая разница?

Шварц. Микробы выглядят как... ну... как микробы. Маленькие палочки, шарики, капельки и все такое.. Сифилитические спирохеты выглядят, как чертовы буравчики.

Макгрудер. (*содрогаясь*) О, Боже! Буравчики! Миллионы!

Шварц. Это правда. Миллионы. В этом отличие сифилиса.

Макгрудер. Но Шварц, я не мог заболеть сифилисом! Это невозможно! (*Пауза*) Хорошо, я не девственник. У меня были женщины - две женщины. Но они - нет! Я имею ввиду, что подхватил его в туалете или что-то вроде этого.

Линвивер. (*Протягивает белую робу, и саркастически смотрит на Макгрудера какое-то время*) Ха-Ха-Ха! В туалете! Эта сказка стара, как мир! Ты бы не заболел тем, чем болеешь, если бы ты не трахался с кем попало, дело тут не в стульчаке.

Макгрудер. Тогда я подхватил это в кают-компании или на камбузе, где посуду и столовые приборы моют не тщательно...

Линвивер. Уолли, позволь мне дать тебе совет. Перестать винить неодушевленные предметы в своих проблемах. Сифилис передается по-ло-вым путем. Согласись, что ты опытный ходок, тебя за это никто не винит, то, что случилось с тобой могло случиться с любым распутником.

Макгрудер. Но в том-то и дело. Разве ты не понимаешь? Если бы я был таким - как ты называешь «ходоком», то было бы понятно, но я ведь...

Линвивер. (*игнорируя его слова*) Ты будешь носить другую робу, чем ту, в чем одет сейчас. Посмотри. Она желтого цвета и на ней есть буква «С», обозначающая твою болезнь.

Макгрудер. Я не стану ее носить! Боже, это похоже... похоже на концлагерь.

Линвивер. (*настойчиво*) Нет, тебе придется ее носить, Уолли. Это правила доктора Гланца.

Макгрудер. Когда я должен носить ее?

Линвивер. Все время, пока ты находишься в палате, и когда ты пойдешь куда-нибудь по госпиталю - в столовую, скажем, посмотреть кино или в библиотеку.

Макгрудер. (*с негодованием*) Может быть, ты дашь мне и колокольчик, чтобы я звонил? Как какой-нибудь, какой-нибудь - прокаженный!

Линвивер. И еще одно. Когда ты пойдешь в галльон, то должен будешь использовать крайнее правое сиденье. На нем отчетливо

написана буква «С» так же, как и на ванне, которой ты должен будешь пользоваться.

Макгрудер. Если ты считаешь, что этим нельзя заразиться от стульчака в туалете, то почему так много инструкций?

Линвивер. Просто, так полагается.- ты привыкнешь к своему новому положению.

Макгрудер. Я никогда не привыкну к такому положению. Никогда!

Линвивер. Не будь таким мрачным, Уолли! Все пациенты венерического корпуса пользуются своими личными принадлежностями. Мы просто не хотим смешивать гонококки со спирохетами. Просто так полагается, ничего более.

Макгрудер. *(рассматривает букву на робе)* «С». Желтая. Отвратительно желтая. *(Поворачивается к Шварцу)* Но почему она желтая? У меня такое чувство, что...

Шварц. Какое, Уолли? *(Он внимательно смотрит на Макгрудера)*

Макгрудер. *(Показывает на робу)* Да! Абсолютно! *(Качает головой)* Боже милостивый!

Линвивер. *(Доктор Глянц и Бадвинкель возвращаются на сцену)* Внимание!

(Макгрудер и Шварц стоят и смотрят на двух офицеров, которые идут по палате)

Бадвинкель. Великолепная лаборатория, доктор Глянц, просто великолепная. Замечательные приборчики! Особенно мне понравился этот моноциклометр. *(Посмеивается)* Думаю, ваша лаборатория обошлась в копейчку Военному флоту.

Глянц. *(Посмеивается с благодарностью)* Это наша гордость, сэр. *(Во время того, как они переговариваются пациенты- которые занимались утренними омовениями- группами возвращаются на сцену. В этот момент Чакли громко стонет на своей кровати в агонии. Линвивер подбегает к его кровати, склоняется низко над ним, проверяет его пульс. Затем он спешит к двери)*

Линвивер. *(Кричит)* Андерсон! Смит! Оба сюда! Кислород! Адреналин! Скорее, я сказал! Быстро, быстро!

Бадвинкель. *(Безучастно)* Это очень плохо, доктор, что у вас нет быстродействующего катетера Бангарта, для исследования внутренностей. Он чертовски полезен в таких случаях.

Гланц. Да, это беда, сэр, при специфике нашей работы в урологическом отделении. Мы надеемся и молим бога, что капитан закажет нам его.

(В то время, как они разговаривают, в центре сцены, Линвивер подбегает к Чакли в сопровождении двух санитаров, Андерсона и Смита, которые несут специальные инструменты, о которых говорил Линвивер. Во время того, как санитары занимаются больным, два офицера продолжают разговаривать).

Бадвинкель. Я постараюсь, я постараюсь. Да, это была замечательная экскурсия, сэр. Ваше отделение во всеоружии. Я поздравляю Вас.

Гланц. Спасибо, сэр. Мы всегда стараемся сделать, что можем.

Бадвинкель. Держите меня в курсе дел этих двух тяжелых больных. И еще насчет этого мальчика больного сифилисом. Мне бы очень хотелось знать, что Вы из него выудите. *(В то время, как Бадвинкель говорит, Шварц подходит вплотную к постели Кларка, он и лежащий на соседней кровати негр внимательно наблюдают за активной работой трех санитаров у кровати Чакли)*

Макгрудер. *(паническим голосом)* От чего он умирает, Шварц?

Шварц. Это одна из разновидностей нефрита, болезни почек.

Гланц. Ай-ай-ай. Боюсь, мы скоро станем многопрофильным отделением.

Макгрудер. Нефрит! *(Содрогается)* Боже, а Вы не думаете, что это заразно?

(Отворачивается) Это настоящее кладбище!

Бадвинкель. Спасибо Вам, Доктор! Счастливого плавания! И удачи в благих начинаниях!

(Он покидает сцену, в то время, как Гланц, греясь в лучах славы, стоит спиной к происходящему на сцене. Свет гаснет).

Сцена вторая

Полдень того же дня. Жизнь в отделении течет, как всегда по утрам. Все пациенты, кроме двух лежащих больных, одеты в робы. Кто-то сидит на кроватях. Другие сидят на стульях и читают, в основном комиксы. Из портативного радио звучат джазовые мелодии. Несколько пациентов, среди которых Макгрудер, чья кровать находится рядом с кроватью Кларка, читают или пишут

письма. Андерсон, санитар госпиталя, сидит рядом с кроватью Чакли и внимательно следит за приборами, периодически поправляя поступление кислорода, наблюдая за тяжелобольным пациентом. В то время, как все заняты своими делами персонаж в одежде католического священника появляется на сцене слева и идет навстречу Линвиверу, который появился справа на сцене и склонился над постелью Чакли. Священника сопровождает молодой служка, который несет атрибуты, используемые в церкви для последнего причастия.

Священник. *(Линвиверу)* Мне сказали, что у вас есть пациент, который нуждается в последнем причастии.

Линвивер. Я так не думаю, сэр.

Священник. *(Хмуро смотрит на Чакли)* Почему? Мне кажется, что этот человек смертельно болен.

Линвивер. Без сомнения сэр. Он в коме. Тяжелее не бывает.

Священник. *(Двигаясь вперед)* Тогда ему нужно сделать последнее помазание.

Линвивер. Сэр, но человек этот баптист.

Священник. Он не может быть баптистом.

Линвивер. Извините, сэр, но это так. Он говорил мне. Кроме того, это написано на его жетоне. «Р» у протестантов.

Священник. Послушайте, это невозможно. Я получил письмо из штаба, в котором сказано, что католик умирает в отделении «В».

Линвивер. Но это отделение «Д», сэр.

Священник. Простите, это отделение «В», как «Виктория»?

Линвивер. Нет, сэр, «Д», как «Дохлятина».

Священник. «Д», как «Дохлятина»?

Линвивер. Так точно, сэр. «В»- ортопедическое отделение.

Священник. Тогда какое же это?

Линвивер. Урологическое и венерическое.

Священник. Урологическое и венерическое? *(Содрогается)* Боже!

(ассистенту живо) Пошли отсюда. Уилкинс! Быстро! Быстро!

(Он торопится на выход и уходит со сцены, в сопровождении ассистента. На краю сцены слева стоит кровать молодого матроса по имени Мак Даниел, который жадно перечитывает письмо, которое только что получил. Внезапно он вскакивает со своего стула, и его голос привлекает внимание других пациентов)

Мак Дэниэл. Я не могу поверить! Я просто не могу в это поверить!

Дадарио. Что случилось, Мак Дэниэл? Тебя уволили в запас?

Мак Дэниэл. Я про письмо - я получил письмо от личного секретаря Ронды Флеминг!

Станцик. И что сказала Ронда? Она хочет, чтоб ты вдул ей?

Макгрудер. *(с укоризной, искренне)* Перестань, идиот! Ты не достоин даже произносить ее имя! *(Возвращается к письму)*

Послушай вот это. «Дорогой Дэви: Как и многие кинозвезды, Мисс Флеминг каждый день получает сотни писем от своих обожателей, и она сама не в силах отвечать на них. Но ты пишешь ей так часто, что это сильно впечатлило ее, и она захотела написать тебе сама. Она думает, что такие, как ты моряки – это самые возвышенные, чистые, храбрые парни Америки, и она надеется, что ты будешь думать о ней, когда отправишься в море, и будешь сражаться с японцами. Искренне твоя...»

(его голос замирает в благоговении)

Станцик. Клянусь, она бы усралась, если бы узнала, что у тебя триппер.

Мак Дэниэл. *(Обращается сердито к Станцику)* Заткнись, говнюк.

Линвивер. *(Проходит между ними)* Ну, ну, не ссорьтесь, ребята! Уже двенадцать. Время жратвы! *(Всем)* Приятного аппетита, парни! Всем, кроме тебя, Шварц. Ты идешь днем к стоматологу. *(Пациенты уходят со сцены, минуя Макгрудера, сидящего на стуле у своей кровати, Шварц сидит рядом с ним. Санитар отходит от кровати Чакли, который дышит кислородом. Линвивер оглядывается назад)*

Линвивер. Трескать не будешь, сынок?

Макгрудер. Но, я... мне кажется, потерял аппетит. Я останусь здесь, если можно.

Линвивер. *(Довольно добродушно)* Конечно, Уолли. Я понимаю. Много парней теряет аппетит, когда попадают сюда. Ничего, он еще придет.

(Линвивер уходит. Макгрудер сидит читая одно из писем. Кларк молчит и сидит, опираясь на подушки и молчаливо смотрит на Макгрудера и Шварца)

Шварц. *(В его голосе зависть и восхищение)* У тебя столько писем.

Макгрудер. *(скромно)* Ну да, много. Пять. Думаю, для одного дня это не мало.

Шварц. Я получаю по одному письму каждый день. От моей жены. Это замечательно. Я чувствую себя не таким одиноким. А кто тебе пишет?

Макгрудер. Моя девушка, она живет в моем городе в Вирджинии. Иногда она пишет мне по паре писем в день- больше!- даже по три письма в день. Чаще она пишет о книгах, которые читает. Она очень любит поэзии, так же, как я.

Шварц. Она блондинка или брюнетка?

Макгрудер. Что-то среднее, я бы сказал. У нее рыжеватокаштановые волосы, можно так сказать? Да, рыжеватокаштановые.

Шварц. У нее хорошая фигура?

Макгрудер. *(с чувством)* Все при ней.

Шварц. Я бы хотел, чтобы у моей жены так было. У нее приятное лицо. Она похожа, ну, немного похожа лицом на Эву Гарднер. Но в остальном... фигура полноватая. К сожалению. *(Пауза)* Рыжеватокаштановые. Мне нравится этот цвет. И поэзию я тоже люблю.

Макгрудер. *(Заинтересовано)* Правда? Какие стихи ты читаешь?

Шварц. О, я почти не читаю стихов. Хотя, я читаю книги.

Полезные книги. *(Показывает на две книги, лежащие рядом)* Те, что стоят того и которые по-настоящему полезны.

Макгрудер. Что это за книги?

Шварц. Ну, вот например эта – «Как управлять магазином для домашних животных». После войны я хочу купить магазин. Я люблю животных- собак, кошек, птиц, черепах, даже змей. Мне бы хотелось иметь магазин для домашних животных. А вот эта книга называется *(читает обложку)* «Терпимость к Другому, или как Развить сочувствие к Ближнему». Рэбби Макс Вейнберг, Темпер Родеф Шойлер, Цинцинатти, Огайо. Что за книга! Просто улетная книга!

Макгрудер. Звучит интересно. Впечатляюще. О чем она?

Шварц. Ну, в основном она о страданиях.

Макгрудер. Что ты имеешь ввиду?

Шварц. Ну, в ней говорится, как в нашей *(колеблется)* нации, мои соплеменники появляются на свет с уже врожденным чувством многовековой подавленности. Послушай - *(Начинает читать)* «Преследуемые, поработанные, бедные...»

Кларк. *(прерывает)* Бедные? Ха-ха! Бедные! Поцелуй мою черную задницу! Бедные, говоришь? Евреи не бедные, евреи

богатые! Жиды богаты, как Национальный банк Мемфиса. Ну и сказал! Да уж! Они говнистые, упрямые ослы. Вот, например, Оле Клейн из моего родного города Боливара, Штат Теннесси, этот жиденок так богат, что ссыт в ночной горшок из чистого золота. «Бедный еврей», вот умора! Поцелуй мою задницу.

Шварц. *(С большим терпением)* Просто не обращай внимания на этого негра. Он дьявол, вот и все. Однако, чтобы ответить на твой вопрос могу сказать, что написано в этой книге «Терпимость к Другому». Так как евреи много претерпели, они понимают страдания других и стали, как говорит автор, идеологами человеческой терпимости.

(Пауза, читает) «Первый закон для человечества: люди должны любить друг друга».

Кларк. Ха-ха! Жиды- это ослиное дерьмо!

Макгрудер. *(после паузы)* Но ты говорил, что ты любишь поэзию, Шварц? Что ты имел ввиду?

Шварц. Я имел виду, что мне нравится поэзия в жизни, я люблю людей, которые видят это.

Макгрудер. А сами стихи ты когда-нибудь читал?

Шварц. Конечно. Я выучил поэму, когда учился в институте. Меня даже наградили за это! *(Мрачно, после паузы)* Портретом Декана факультета.

Макгрудер. И что это была за поэма? «Пересекая черту» Теннисона. Он до сих пор у меня в сердце. *(Пауза)*

И закат и звезда с высоты
За собою меня зовут.

И не надо стонать у последней черты,
А пора собираться в путь.

(Пауза, размышляет)

Круто написано? И печально. Это о смерти.

Макгрудер. Да, правда. *(нерешительно)* Стихи прекрасные, но...но эта не та поэзия, которая дорога мне. Я хотел сказать, ты когда-нибудь читал Элиота?

Кларк. Элиота? А говнолета не хочешь? Ха-ха!

Шварц. Заткнись! Продолжай Уолли. Что это за поэт?

Макгрудер. Т.С. Элиот. Это великий поэт. Он чудесный! И еще есть Эмили Диккинсон, и Харт Грейн, и Уолаас Стивенс, Стивенс! Его стихи настоящая музыка! Вот, например. Это о смерти, как-то так...

Смерть - таинство и мать красоты,
В чьем знойном лоне различаем мы
земных, бессонных наших матерей.

(Пауза)

И знаешь, что интересно, Шварц? Этот парень, Стивенс, вице президент страховой компании в Хартворде, штат Коннектикут!

Шварц. *(задумчиво)* Смерть - таинство и мать красоты».

Хорошо. Он хорошо пишет. И ты говоришь, он работает в страховой компании? Как ты сказал его имя? Элиот?

Макгрудер. Стивенс. Уоллас Стивенс. Я бы многое отдал, чтобы уметь писать такие стихи

Шварц. Таинство и мать красоты... *(Длинная пауза)* Я сегодня днем иду на обследование к стоматологу. Ко всем моим почечным делам, доктор Гланц подозревает у меня язву.

Макгрудер. О, боже, я тебе сочувствую.

Шварц. Не понос, так золотуха! У тебя туберкулез почек и ты переживаешь об этом до тех пор, пока не зарабатываешь язву. Теперь я переживаю за свою язву.

Кларк. *(Он наблюдает за Макгрудером и Шварцем и внезапно заходиться смехом)* Ха-а-ха! *(в его смехе болезненная усталость, и его голос вялый, ослабленный)* Ха-ха! Жидовская поэзия. У вас, белых парней, столько дерьма внутри, что оно лезет у вас из ушей.

Макгрудер. Что это с ним?

Шварц. У него поехала крыша. Он полоумный. Больной на голову.

Кларк. Сам ты больной, ослиное дерьмо, вы белые, обосрали всю мою жизнь. Ха-ха-ха. Жиды -уроды. *(поднимается осторожно на локтях)* Поэ-зия! Поцелуй меня в задницу!

Макгрудер. *(демонстративно)* Ничего себе, я не думаю, что...

Шварц. Не обращай на него никакого внимания. Он опасный тип. Замолчи, Лоренцо! *(В сторону)* Я должен быть терпимым! *(масляным голосом)* Просто постарайся уснуть.

Кларк. Это не твое дело, сплю я или нет, жиденок.

Шварц. Он переполнен яростью. Однажды, до того, как ты появился здесь, меня навещала моя жена. Когда она пришла - меня не было в палате. И когда Кларк увидел ее, он сказал ей, что я умер.

Макгрудер. Какой ужас!

Кларк. Скоро этот парень (*показывает жестом*) наверху заткнет меня насовсем. И я усну надолго. И ты тоже, жиденок. Потому что и ты, и я, дружок, глядим прямо в могилу.

Шварц. Это невыносимо!

Макгрудер. Что с ним?

Кларк. И ты, сынок, потому что у тебя сифилис. Ха! Ха! Готовься, скоро тебя тоже оденут в деревянное ки-мо-но...

Шварц. Я пойду- приведу Линвивера, чтобы он заткнул его. (*С внезапной яростью*) Ты провонял до небес, Лоренцо! Ебаная терпимость! Иди ты к черту, Лоренцо!

Кларк. Да, я воняю, и я черный, и я гол, как сокол, и у меня нет никого, кто схоронил бы меня. Но одно я знаю точно-нет никакой разницы между мертвым негром и мертвым белым жиденком, когда они оба- корм для червей. Мы равные!

(*Откидывается назад, утомленно, тяжело дышит*)

Шварц. Откуда в тебе эта злоба? (*Кларк не отвечает*) Я ни хера тебе не сделал плохого! (*Макгрудеру*) Я все время старался быть с ним любезным.

Макгрудер. Возможно, ты прав. Вероятно, это болезнь помутила его рассудок.

Шварц. Другого объяснения и быть не может. (*Внезапно Макгрудер вскакивает на ноги, выпрямляется*) Что случилось?

Макгрудер. (*В большом возбуждении*) Господи помилуй! Я чувствую себя так, будто я умер и проснулся в могиле.! Это место сводит меня с ума!

Шварц. Успокойся, Уолли! (*В то время, когда он пытается успокоить Уолли, свет переходит в офис Глянца, появляется Глянец- одетый в белый докторский халат. Одновременно с этим появляется Линвивер в противоположном конце сцены*).

Линвивер. Макгрудер! Доктор вызывает тебя на осмотр.

Шварц. (*к Макгрудеру в то время, когда он проходит мимо*) Удачи тебе, Уолли!

(*Макгрудер входит в кабинет и останавливается весь во внимании*)

Макгрудер. Рядовой Макгрудер, Уоллес, пять-четыре-два-три-ноль- семь, прибыл в ваше распоряжение, сэр.

Глянец. (*роется в бумагах, не поднимая глаз*) Вольно Макгрудер. Садись. (*Макгрудер берет стул и садится напротив доктора, который продолжает изучать бумаги и в конце-концов поднимает*

глаза) Давай продолжим с того, на чем остановились, Макгрудер. Несмотря на все сказки насчет стульчаков в туалете, сифилис передается исключительно при половых контактах. Следовательно, после медицинского исследования, которые ты прошел, нами должна быть составлена подробная история твоей сексуальной жизни. Ты понимаешь, зачем это нужно?

Макгрудер. Да, сэр.

Гланц. Очень хорошо. Нам совсем не интересно выуживать из тебя пикантные подробности. Просто это нужно для дела. Так или иначе, надо с чего-то начать. Если ты позволишь, позволь тебя кое о чем спросить. Со сколькими женщинами ты общался? *(Начинает делать заметки)*

Макгрудер. С двумя, сэр.

Гланц. Посмотри на меня. Подними глаза и посмотри на нас, пожалуйста. Ты можешь это сделать?

Макгрудер. *(После продолжительно паузы и пристально глядя в глаза Глянцу)* Я смотрю на вас - на всех вас - внимательно, сэр.

Гланц. Ты видишь, что я взрослый мужчина, среднего возраста, отец четверых детей, получивший медицинское образование в Будапеште, стажировавшийся в Центральных больницах Нью Йорка, Лондона, Арканзаса, член Медицинской ассоциации Америки, член ученого совета Американского Военно-медицинского Института, факультет урологии, отмеченный в сборнике *Кто есть кто в Америке*, врач с двадцати пяти летней практикой. Ты видишь перед собой много повидавшего человека, и мы надеемся, смеем надеяться умудренного опытом. Не больше и не меньше, чем некоторые из наших пациентов, я чувствителен. Если ты уколешь меня, то я тоже крикну «Ой». Короче говоря, перед собой ты видишь глубоко чувствующее разумное существо. *(Пауза)* У меня есть и другие причины быть довольным собой – умение видеть процесс изнутри. То, что ты не все понимаешь, это понятно, в этом тебя никто не винит. Ты в этих вопросах новичок. Никому не придет в голову винить наивного, неопытного любителя, никто не осудит его за эту маленькую неправду, которая слетела с его губ. Но неужели ты думаешь, что мы поверим в то, что у тебя было всего только две женщины?

Макгрудер. *(уверенно)* Да, сэр, потому что это правда.

Гланц. Ерунда.

Макгрудер. Неужели Вам непонятно, сэр? У меня было мало времени. Извините! Мне только восемнадцать!

Гланц. Ты молод, это- правда, но большинство из таких же молодых матросов, как ты, находящихся в таком же положении признавались, что у них было десятка два женщин. К сожалению, у меня нет волшебной сыворотки, чтобы извлечь правду из тебя. *(Вздыхает)* Хотя, мы уверены в том, что ты лжешь, у нас нет другого выхода, как поверить тебе на слово. *(Пауза. Смотрит пристально в глаза Макгрудеру)* Лишь две, ты казал. А кто они были – эти две женщины?

Макгрудер. Одна из них была... *(Он запинается, смущенно)* Она была...

Гланц. Ну же, ну, Макгрудер. Тебе нечего стесняться. Неужели не понимаешь? Мы должны зафиксировать эти подробности, чтобы спасти твою жизнь!

Макгрудер. Она была взрослая женщина, сэр.

Гланц. Взрослая женщина. Не мог бы ты сказать нам, сколько раз у тебя был физический контакт с этой взрослой женщиной?

Макгрудер. Один раз сэр. Только один раз.

Гланц. Для этого и требуется всего-то один раз. А другая женщина? Кто она такая?

Макгрудер. Она- моя, ну , она моя девушка, сэр.

Гланц. Ты говоришь о ней в настоящем времени. Из этого, по-видимому, следует, что у тебя недавно был контакт с этой твоей девушкой и ваши отношения продолжаются.

Макгрудер. Это правда, сэр.

Гланц. Сколько ей лет?

Макгрудер. Она моя ровесница, сэр. Ей восемнадцать. Ну, немного младше. Семнадцать с половиной.

Гланц. Могу я спросить, сколько раз у тебя был сексуальный контакт с этой девушкой?

Макгрудер. *(длинная пауза)* Ничего себе, сэр, я не знаю. Я потерял счет. Много, много раз. Может быть сотни. Мы любим друг друга больше двух лет.

Гланц. *(встает и направляется к одной из стен кабинет. Там он разворачивает большую карту , диаграммой, гротескную карту , на которой изображен человеческий мозг)* Значит, сотни, так Макгрудер? Можно сказать, что у вас был довольно бурный роман. *(Показывает на карту)* Ты знаешь что это?

Макгрудер. Да, сэр, это похоже на какую-то карту, или медицинскую схему чего-то, на человеческий мозг.

Гланц. Именно. Диаграмма величайшего и самого сложного органа, человеческого мозга.

Гланц. Да, выглядит очень сложно.

Гланц. Мозг. Возможно, это самое грандиозное создание бога. Именно здесь рождаются наши мысли, Макгрудер, эта загадочная, поразительная способность, которая делает обычного человека выдающейся личностью, такой как, скажем, Генри Форд или музыкальным гением, как Джон Филипп Соуса, или одним из героев пантеона человечества, таким как Рудольф Уотчер, отец полостной хирургии. Совершенным механизмом, ты согласен?

Макгрудер. Да, сэр.

Гланц. Но механизм может и повредиться, сломаться, дать сбой - как любой механизм. Короче, другими словами, он может заболеть. *(Пауза)* Макгрудер, тебе знакомо слово парез?

Макгрудер. Нет, сэр.

Гланц. И ты не знаешь, что оно обозначает и какие есть виды пареза?

Макгрудер. Боюсь, что нет, сэр.

Гланц. Люди, которые имеют парез- парализованы. Парез- это неврологическая форма сифилиса, которая влияет на мозг.

Макгрудер. *(со страхом в голосе)* Как он влияет на мозг, сэр?

Гланц. *(Берет в руку указку)* Он возбуждает воспалительный процесс, известный как сифилитический менингит. Это воспаление может возникнуть в любом участке мозга, но потом локализуется *(показывает указкой)* здесь в глубине или здесь, в передней части.

Макгрудер. А что тогда происходит с человеком, сэр?

Гланц. Пациент лишается рассудка. *(Пауза)* Сходит с ума, становится помешанным. *(Длинная пауза)* Он становится душевнобольным.

Макгрудер. Господи! Сэр...

Гланц. Позволь нам еще кое-что спросить у тебя, Макгрудер. Ты когда-нибудь слышал что-то о двигательной дисфункции?

Макгрудер. Нет, сэр. Что это такое?

Гланц. Двигательная дисфункция- это еще одна форма невросифилиса. Она разрушает спинной мозг. *(Пользуется указкой)* здесь, и конечно мозговые нервы здесь, здесь и здесь, включая зрительные нервы, здесь.

Макгрудер. И что тогда бывает, сэр?

Гланц. Пациент не может передвигаться. Затем он слепнет. И, в конце концов, его разбивает полный паралич.

Макгрудер. О, боже! *(Начинает неосознанно щупать свои ноги и руки)*

Гланц. Это коварная болезнь, Макгрудер, я расскажу тебе о ней. *(Пауза, он убирает карту, садится)* Ты, наверное, думаешь, что мы все это говорим, чтобы напугать? Но я тебя уверяю, что цель наша не в этом.

Макгрудер. Я надеюсь, что Вы извините меня за то, что я скажу, сэр, но это без сомнения испугало меня. Я страшно напуган!

Гланц. Я не пытаюсь напугать тебя, но просто хочу довести до тебя серьезность твоего положения. И еще убедить тебя быть совершенно откровенным в разговоре со мной на тему твоих сексуальных опытов. Факты говорят сами за себя. Ты можешь не признавать наличия ранних симптомов - шанкра или сыпи. Но мы вынуждены констатировать, что твоя болезнь уже миновала первую и вторую стадии и находится на завершающей – третьей стадии. Обычно это тяжелое состояние, которое я описал тебе, наступает через долгие годы, но бывает и такая форма, которую иногда называют, быстротекущий сифилис, когда пациент быстро приобретает невросифилис или двигательную дисфункцию, а возможно и то и другое сразу. И мне кажется, что у тебя именно такая перспектива. *(Пауза)* Увы, вполне возможно, что... *(Он пожимает плечами)*...

Макгрудер. Это значит, что я умираю? Это Вы хотите сказать, сэр? Что со мной случится все то, о чем вы сейчас рассказали? Боже, неужели у меня нет надежды? Совсем никакой?

Гланц. *(Немного растерянно, в его появилась голосе некоторая мягкость)* Нет, нет Макгрудер! Успокойся! Этого может и не случится!

Макгрудер. *(Почти плача)* Но вы говорили об этом так уверенно, сэр! Боже, я не хочу сходить с ума! Не хочу, чтобы меня разбил паралич, и я ослеп! Я не хочу умирать!

Гланц. Пожалуйста успокойся! Мы понимаем твои чувства. Этот страх понятен. Но ты должен помнить, что у нас есть лекарства, которые могут бороться с этой болезнью. *(Слегка улыбается)* Конечно, если дело зашло не слишком далеко.

Макгрудер. Шестьсот шесть - таблетки.? Волшебное средство от сифилиса? Пятнадцать месяцев инъекций?

Гланц. Для новичка, ты хорошо осведомлен, Макгрудер. Да, это средство используется с достаточным успехом. Не забывай об этом. Мы бы хотели, чтобы ты покинул этот кабинет с оптимизмом в душе. Теперь ты свободен. *(Макгрудер бледен и его пошатывает, он направляется к двери кабинета)*

Гланц. О. Макгрудер.

Макгрудер. *(резко обернувшись)* Что, сэр?

Гланц. *(дружесливо)* Не падай духом!

(Макгрудер выходит, шатаясь, идет напрямую к своей кровати. Шварц отрывается от своей книги.)

Шварц. Как ты, Уолли?

Макгрудер. Ужасно, Шварц. Ужасно! Хуже не бывает. *(Пауза, с удивлением)* Я имею ввиду, этого Гланца. Он, настоящий...*(Он останавливается)*

Шварц. Не доверяйся так доктору Гланцу, Уолли. Он известный любитель считать всех смертельно больными. Это его бзик.

Макгрудер. *(Достает листок бумаги и пишущую ручку)* Да, Шварц, я поверил ему. Он убедил меня, этот сукин сын!

(Он начинает писать, и в то время, пока он пишет слышно радио. Звучат мелодии кантри, сороковых годов, отрывок из Баха – Страсти по Матфею, военная хроника, новости. Макгрудер внезапно прекращает писать и медленно встает на ноги. Он в большом возбуждении)

Шварц. Письмо любимой, готов поспорить. Мне ужасно стыдно Уолли, я должен был написать своей жене на прошлой неделе.

(Макгрудер внезапно рвет письмо на части) Что случилось?

Успокойся! Послушай, не надо паники!

Макгрудер. *(кричит в сторону кабинета Гланца)* Ты не возьмешь меня этим, Гланц! Я не собираюсь умирать в этой вонючей, богом забытой сучьей дыре. Ты слышишь меня, доктор Гланц?

Шварц. Успокойся, Уолли! Тихо! Ты не должен этого делать! Если он услышит, то нам всем достанется! Тихо!

Макгрудер. *(Успокаиваясь)* Я не могу здесь находиться. Я на самом деле схожу с ума!

Шварц. Ты должен набраться мужества, Уолли. Будь храбрым! Как сказал Рэбби Вейнберг, слуга терпимости - это храбрость.

Кларк. *(Поднимается на локтях)* Храбрость! Конечно! Вонючий жиденек заговорил!

Шварц. *(В ярости)* Заткнись! Боже, как ты воняешь сегодня! Я не могу выносить твой запах, он хуже, чем всегда! Почему ты не сдохнешь? *(сжимает кулаки, отводит глаза)* Прости меня. Терпимость!

Кларк. *(Утомленно)* Это не от меня воняет. *(Показывает жестом на постель Чакли)* Понюхай там. Он давно подох, и воняет, как покойник, как протухшая каракатица. *(Пауза)* Его уже едят черви! Посмотрите!

(Его смех заполняет всю сцену. Макгрудер, Шварц и другие пациенты оборачиваются и смотрят безмолвно на неподвижное тело Чакли, в то время, как свет на сцене гаснет).

Второй акт

Сцена первая

Неделю спустя, раннее утро, за час до подъема. Линвивера отсутствует на своем посту и большинство пациентов спят. Макгрудер шевелится и медленно просыпается, садится на край своей кровати. Вскоре Шварц тоже просыпается и садится, зевая и потягиваясь.

Макгрудер. Который час?

Шварц. Шесть с минутами. Через пол часа подъем. *(Зевает)* Я так устал. По разным причинам я не мог уснуть.

Макгрудер. *(тоже зевает)* Где Линвивер?

Шварц. Не могу сказать точно, но мне кажется он обдолбался. Спит. Он обдолбался ночью и теперь спит в лаборатории. Однажды утром я заглянул и увидел его там - он спал, как ребенок, среди всех этих анализов мочи и грелок. Ему несдобровать, если доктор Гланц засечет его!

Макгрудер. *(Зевает опять, мучительно)* Я тоже не выспался по-настоящему. Крутился и ворочался всю ночь, чего мне только не снилось.

Шварц. Мало хорошего, наверное. Ты всю ночь стонал и разговаривал во сне. Я не мог разобрать ничего из того, что ты говорил - кроме одного слова. Ха! Это забавно!

Макгрудер. Что это было за слово?

Шварц. Ты знаешь, что ты сказал? Ты сказал «Владивосток».

Макгрудер. «Владивосток!» Почему я это сказал?

Шварц. Не знаю, Уолли. Возможно, тебе это снилось. Владивосток находится в России, не так ли? Это очень далеко отсюда, правда? Это возможно то, что Рэбби Вейнберг называет неудовлетворенное желание. Знаешь, у Рэбби есть ответы на все вопросы. Хочешь, я тебе прочту...

Макгрудер. Не надо Рэбби этим утром, Шварц! Не надо больше Вейнберга! Пожалуйста! Боже, Как я хочу вырваться из этой вонючей дыры!

Шварц. Успокойся, Уолли! Успокойся. Ты не один здесь застрял. *(Тянет руку к Макгрудеру, чтобы успокоить его и затем кашляет)*

Макгрудер. Не прикасайся ко мне, Шварц! Убери руки!

Шварц. *(успокаивает)* Уолии, Уолли, ты не заразишься туберкулезом от моего кашля. У меня больные почки! Успокойся. Приди в себя, Уолли!

Макгрудер. *(смущенно)* Прости меня, Шварц. Извини. Мне стыдно, О Господи. Если я не умру от паралича, то я умру от ипохондрии. *(Пауза)* Дело вот в чем! Если бы я понимал, что со мной происходит, то я бы справился. Знание помогло бы мне справиться с этим. Например, вчера у меня был другой анализ крови. А я ничего не понимаю в анализах. В медицине я кретин.

Шварц. Ты хочешь сказать, что тебе надо знать больше о своей болезни? Прости меня конечно, но когда речь идет о сифилисе, неведение - это счастье.

Макгрудер. Нет, я хочу кое-что знать о моем заболевании. Что-то, что позволит мне понять на какие симптомы, на какие приметы надо обращать внимание. Немного информации, которая возможно даст мне надежду, что болезнь стабилизировалась, и мне, во всяком случае, не станет еще хуже. Я хочу выпытать у доктора Гланца, но не могу добиться ни слова утешения. Его интересует только то, чтобы я назвал все свои сексуальные контакты. Боже, я забыл!

Сегодня он опять выпрашивал меня о моем сексуальном опыте. Что за ничтожество!

Шварц. Да, сэр, я одно должен признать. Доктор Гланц – просто хулиган.

Макгрудер. *(с внезапной яростью)* Это слабо сказано, Шварц, иногда Доктор Шварцу перегибает палку! Хулиган! Иногда он по настоящему безжалостен. Мне казалось, что доктор должен как-то облегчать состояние пациента, а не пытаться сделать из тебя кусок дерьма. Он псих. Пещерный человек! Троглодит.

Шварц. Но, знаешь, мне иногда кажется, что врачи вынуждены быть черствыми. Чтобы обезопасить себя. Они видят столько боли, так много страданий. На самом деле, мне кажется, что доктор Гланц в душе очень мягкий, человечный.

Макгрудер. Человечный! Ради бога, что ты такое говоришь! Шварц! Терпимый? Прекрати! Это все твоя еврейская солидарность! Он редкий урод. Мне так хочется заехать ему в челюсть. *(Пауза)* Он напугал меня. Это я должен признать.

Шварц. *(неожиданно с вдохновением)* Слушай, у меня есть идея!

Макгрудер. Какая идея?

Шварц. Тебе нужна информация, тебе нужны знания, ты сам говорил.

Макгрудер. Что ты имеешь ввиду?

Шварц. Книги! В кабинете доктора Гланца. Там множество книг с описанием твоей болезни, в них ты найдешь все, что хотел узнать.

Макгрудер. Да с каких это пор доктора раздают книги своим пациентам?

Шварц. *(голосом заговорщика)* Нет, я не это имел ввиду. Я имел ввиду, что мы одолжим несколько книг оттуда. Посмотри, кабинет открыт. Линвивер спит. Это не составит труда, Уолли!

(Направляется к кабинету)

Макгрудер. Подожди, Шварц, ты сам это знаешь. Тебя посадят на десять лет за воровство, если кто-нибудь типа Линвивера донесет на тебя!

Шварц. *(настойчиво)* Он не заметит этого, если мы одолжим их ненадолго. Я сразу верну их, как только он отлучится. *(Кивает головой в сторону кабинета)* Не бойся, Уолли!

(В то время, как Шварц выходит, Кларк садиться на своей кровати. Очевидно, что несмотря на раннее утро он внимательно слушал каждое слово, которое было произнесено до этого)

Кларк. *(У него слабый и болезненный голос)* Как поживает твой сифилис сегодня?

Макгрудер. *(по-настоящему испуган)* ЧТО?

Кларк. Спокойно парень! Ты перебудуешь весь госпиталь. Что ты так дергаешься?

(Слева на сцене в кабинете Гланца Шварц, берет книгу и перелистывая ее делает пометки)

Макгрудер. *(приходя в себя)* Ты испугал меня! Я имею в виду, это же первое слово, которое я услышал от тебя с тех пор, как попал сюда. Я не ожидал этого, только и всего. Я испугался.

Кларк. *(посмеивается)* Ты выглядишь хорошо, парень. Не так измождено, как все эти насекомые вокруг. Мне кажется, что ты еще немного поживешь, пока твои спирохеты тебя не доконают.

Макгрудер. Не шути так. Такие шутки, в таком месте не смешны. *(отворачивается)* Ты должен понять, что я не потерплю этого дерьма от тебя, Лоренцо. Я не буду вторым Шварцем. Я не стану козлом отпущения, чтобы облегчить твои страдания.

Кларк. Нет, послушай, я хочу кое-что тебе сказать, белый мальчик. *(Останавливается, затем продолжает с трудом)* Ты мне нравишься, Ты на самом деле мне нравишься...

Макгрудер. Я не хочу тебе нравиться! Держись от меня подальше, Лоренцо! Оставь меня в покое!

Кларк. Но ты мне на самом деле нравишься. Более того, жиденок мне не нравится. А ты нравишься. Хочешь знать почему?

Макгрудер. Почему же?

Кларк. Потому что ты южанин. Я тоже южанин. Родился в Боливаре, штат Теннесси. Мы, парни с юга, должны держаться вместе. Родились вместе, умрем вместе. Это равенство.

Макгрудер. Это чушь собачья. Если хочешь знать правду, Лоренцо. Почему ты так сильно не любишь Шварца? Потому что он еврей?

Кларк. Да потому, что он жиденок. И потому что он боится поверить, что он тоже умирает.

Макгрудер. *(сердито)* Что ты говоришь! Прекрасно все понимает. Шварц очень болен. У него тяжелая форма туберкулеза почек. Каждый раз, когда он идет в туалет, то писает кровью. Он смертельно болен, и он живет в страхе, как и все стальные. Но он не хочет умирать при этом. Единственная причина, по которой мне

кажется ты его ненавидишь- это то, что он еврей. Почему ты так ненавидишь иудеев? Потому что они распяли Христа?

Кларк. Нет, парень, потому что они распинают негров. Все знают Оле Мак Клейна в моем родном Боливаре. Мистер Мак Клейн, владелец сети супермаркетов. Все, что было у моего отца он взял в кредит у Мак Клейна: холодильник, плиту, мебельный гарнитур в гостиную и картину «Поздний ужин», которая сияла всеми цветами радуги. Но когда случился неурожай хлопка, и отец не мог выплатить очередной взнос, то мистер Мак Клейн забрал все обратно, выпотрошив дом подчистую. *(Пауза)* Вот что делают евреи. Вот как они сдирают шкуру с негров. *(он откидывается назад в изнеможении)*

Макгрудер. Но, послушай, Лоренцо, ведь не только иудеи обдирают черных, это делают все белые! Я имею ввиду, что верю в эту твою историю насчет Мак Клейна, но как насчет других белых? Что они делают с цветными? Я имею ввиду- Пресвитериане, Методисты, Баптисты?

Линвивер. *(Входит, выглядит заспанным и немного помятым, появляется с правой стороны, подхватывает последние слова Макгрудера, говорит монотонно)* Конгрегационалисты, Методисты, Мормоны, Моравианцы, Адвентисты седьмого дня- что вы тут делаете вдвоем так рано, совершенствуетесь в метафизике? *(Громко на всю палату)* Итак, моряки, подъем, первый звонок. Через пять минут все встали! *(пациенты начинают двигаться, зевать)*

Макгрудер. *(с состраданием, как будто он пытается помочь негру совладать с его раздражением)* Ты не чувствуешь, как это глупо испытывать такие чувства? Мы все в одном положении здесь. Мы все попали в беду. Почему бы тебе не попытаться полюбить и Шварца тоже, Лоренцо? Будет лучше для всех нас, если ты прекратишь так бессмысленно его ненавидеть. Ненавидеть того, кто тебе ничего плохого не сделал.

Кларк. *(Немощно, но со страстью)* Я люблю этого еврея, я буду его любить, в тот день, когда в жопе у осла расцветут розы! *(Макгрудер делает беззвучный жест отчаяния и отворачивания)*

Линвивер. *(замечает Шварца с книгой, который поначалу скрывает ее, а потом пытается выкрутиться)* Доброе утро, Шварц! Ты бодро выглядишь сегодня. *(Кладет руку ему на лоб)*

Температуры спала. Хорошо. Покажи язык. (*Осматривает язык*)
Прекрасный язык. Что ты делаешь тут так рано?

Шварц. Мне не спалось. Я вышел почитать свою книгу.

Линвивер. (*с любопытством*) Да? А что ты читаешь сегодня?

Шварц. Это еврейская книга. Она называется Мазелтов. Что-то вроде поваренной книги евреев.

Линвивер. (*дружески похлопывает Шварца по руке и отходит к своему столу*). У вас довольно вкусная еда, не так ли, Шварц? Я тебя не виню. Тем, чем вас здесь кормят, ребята, я бы не стал кормить Капитана Бадвинкеля.

(*Слегка вздрагивает от своей смелой шутки. Затем он берет какие-то бумаги и таблицы со своего стола и уходит со сцены налево. В то время, как пациенты медленно просыпаются, Макгрудер и Шварц сидят рядом на своих кроватях и изучают книгу, которую они экспроприировали*)

Шварц. Это самая большая книга, которую я смог найти про сифилис. И еще у нее самое длинное название.

Макгрудер. Как она называется?

Шварц. «Полный диагностический и терапевтический справочник по Сифилису: руководство по определению и лечению сифилиса, приобретенному и врожденному, включая ранний сифилис, первичный и вторичный, поздний сифилис, невросифилис, менингитный сифилис, двигательная дисфункция и полный паралич. Составлен Мартином Мак Афи, Исидорой Давидофф, Чарли П. Диксон-“

Макгрудер. Неважно кто написал это, Шварц. Что там сказано? Особенно, что там сказано о параличе? И двигательной дисфункции? Это те две вещи, о которых я хотел бы знать в первую очередь.

Шварц. (*нота юмора звучит в его голосе*) О, у меня есть хорошие новости об этом для тебя, Уолли. На самом деле хорошие. (*ищет в оглавлении*) думаю, что это звучит довольно оптимистично.

Макгрудер. Оптимистично? Что ты имеешь ввиду?

Шварц. (*обращается к книге*) Хорошо, слушай сюда - вот о «Двигательной дисфункции». То, что касается прогноза. Вот. Здесь написано: «Около половины случаев стабилизируются», остальные прогрессируют.» Разве это не оптимистично?

Макгрудер. (*размышляет*) Нет, ради бога! Почему это должно быть для меня оптимистично?

Шварц. По крайней мере, у тебя есть пятьдесят процентов того, что тебе не станет хуже.

Макгрудер. О, да Шварц, это делает меня счастливым. Сойти с ума! Почему бы нам не открыть шампанское и не выпить по этому поводу? *(Обхватывает голову руками)* Скажи мне еще что-нибудь.

Шварц. Еще одна хорошая новость. Слушай. «Раннее, интенсивное лечение улучшает прогноз». Это должно тебе улучшить настроение!

Макгрудер. *(Поднимает голову)* Но в этом то все и дело, ты не понимаешь? Как мне знать, ради всего святого, ранний ли у меня сифилис? Ведь доктор Гланц сказал, возможно, что уже слишком поздно.

Шварц. Да, это правда, Уолли. Это то, к чему надо быть готовым. Однако, пятьдесят процентов - не плохой шанс. Не так уж и плохо.

Макгрудер. Хорошо, допустим у меня все симптомы, но мне повезет, и он не станет прогрессировать. Поговорим теперь о хороших новостях.

Шварц. *(в ужасе от страшного открытия, колеблется)* О. Уолли...

Макгрудер. Читай, Шварц, черт побери! Я не боюсь узнать. Вперед! Читай! Чем грозит двигательная дисфункция?

Шварц. *(читает медленно с внутренним сопротивлением)*
«Неспособность передвигаться в темноте или держать равновесие с закрытыми глазами - Симптом Ромберга. Характерна неустойчивая, нетвердая походка. Больной передвигается, раскидывая ноги, голова наклонена в сторону, взгляд упирается в землю. Движения при ходьбе несоразмерные, слишком высоко поднимается нога при шаге, слишком резко опускается вниз». *(В то время, пока Шварц читает, Макгрудер с ужасом в глазах, маниакально повторяет все симптомы, двигаясь странной походкой между кроватями)*

Внезапная остановка или поворот вызывают затруднения и иногда заканчиваются падением. Необходимо передвигаться с костылями, до тех пор, пока передвижения становятся невозможными, и тогда пациент проводит оставшуюся часть жизни в неподвижном состоянии, которое сопровождается недержанием, слепотой, импотенцией и параличом ».

Макгрудер. *(прекращает свою пантомиму и падает на свою кровать)* Боже, вот это утешение!

Шварц. Послушай, Уолли! Здесь еще вот что написано «Двигательная дисфункция почти никогда не заканчивается смертью» Ты слышал? «Почти никогда не заканчивается смертью» Потом вот что « Многие пациенты живут двадцать - двадцать пять лет или даже больше».

Макгрудер. Двадцать пять лет в постели, писать в пижаму, быть парализованным, слепым импотентом.

(Макгрудер и Шварц смотрят друг на друга без слов в то время, когда входит Линвивер)

Линвивер. *(Пересекает палату)* Последнее предупреждение, парни! Живо-живо! Встаем, встаем, ребята. Вас ждет королевский завтрак. Горячие бутерброды, рисовые хлопья или овсянка, Завтрак чемпиона на Ваш выбор. Личный осмотр через десять минут! *(поворачивается к Дадарио)* Я буду скучать, Дадарио! Мне так будет не хватать тебя в этом цветнике.

(Дадарио стоит отдельно ото всех этим утром, он готовится к уходу, укладывает вещь- мешок).

Дадарио. Я тоже буду скучать по тебе, Линвивер. Ты был просто лапочкой по сравнению с остальными.

Линвивер. *(К пациентам)* Скажите до свидания Дадарио. Парни! Пожелайте счастливого пути свободному человеку! *(Пациенты прощаются с Дадарио, машут руками, каждый по- своему. Он направляется к двери, ухмыляясь оборачивается, показывает "V", как знака победы. Линвивер опять обращается к пациентам)* Вот он уходит, парни. В полном здравии! Ходячее доказательство чуда врачебной науки, триумфальной победы над гонококками. И так, как это случилось с Дадарио, это произойдет со всеми!

Макгрудер. *(Смотрит, как Дадарио и Линвивер выходят, собирается в кабинет к доктору Гланцу, который как раз появляется там)* Хотел бы я поверить в это.

(Оборачивается к Шварцу) Что это была за книга о параличе, Шварц? Это то, что на самом деле волнует меня. Паралич, который приводит к слепоте- на самом деле это плохо, но безумие... *(Он пожимает плечами)*

Шварц. Очень хорошие новости о параличе, Уолли! Превосходные новости! *(Пауза, он из последних сил старается оправдать свой оптимизм).* Возможно, не такие хорошие новости, как о двигательной дисфункцией, но все же они оставляют довольно много надежды.

Макгрудер. И что там написано?

Шварц. Вот, послушай. «Изредка, случается ремиссия, которая может позволить больному продолжить свою деятельность». Ну, что скажешь? У тебя может быть ремиссия. Это почти то же самое, что и выздоровление.

Макгрудер. Но разве там не сказано «изредка»?

Станцик. Да, сказано.

Макгрудер. Ты разве не знаешь, что означает слово «изредка»?

Шварц. Конечно. Не часто.

Макгрудер. И при этом ты считаешь, что это хорошие новости?

Шварц. Конечно. Уолли, это лучше, чем «никогда».

Макгрудер. *(Стонет)* Что там сказано насчет симптомов?

Шварц. *(опять с сомнениями)* Уолли, Уолли! Зачем тебе это? Это так мучительно. Все равно, что ковыряться в ране...

Макгрудер. Продолжай, прочти мне это, Шварц. Пожалуйста! Мне лучше знать.

Шварц. *(Начинает читать)* «Наиболее часто первые психические симптомы коварно меняют личность больного, такие черты как чистоплотность в одежде и гигиене тела».

(Шварц поглядывает на Макгрудера, который нервно отряхивает свою больничную робу, погруженный в свои мысли трет пальцы)

Страхи потерять состояние, работу, семью, навыки. Первым признаком часто является то, что пациенту кажется, что его обворовывают. С другой стороны, болезненное самомнение заставляет его считать себя божеством, владельцем бесценных сокровищ, прекрасной женщины и сказочного состояния. *(Пауза, поднимет глаза)* Я никогда не слышал, чтобы ты хвастался чем-нибудь таким. За исключением, разве что девушкой. Во всяком случае, ты никогда не вел себя, как наследный принц.

Макгрудер. *(Очень нервно)* Пока нет. Продолжай.

Шварц. Развиваются серьезные проблемы с речью. Например, больному становится трудно произносить согласные буквы «Л» и «Р». Следовательно, ему трудно выговорить фразы типа «Карл у Клары украл кораллы» или «Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали»

Линвивер. *(выходит из кабинета док ора Глянца и быстрым шагом пересекает палату)* Внимание, парни, через пять минут осмотр. Макгрудер, доктор Гланц ждет тебя в одиннадцать у себя в кабинете для продолжения исследования твоей половой жизни. *(С*

неожиданной симпатией) У него есть результаты твоего вчерашнего анализа крови. Показатели реакции Вассермана поднялись с трех до четырех целых. Невероятно! Выше не бывает. (сочувствуя) Мне искренне жаль, сынок. Я сочувствую тебе. (Разворачивается и уходит в сторону двери кабинета Гланца) Венерические больные, приготовьтесь к осмотру.

Гланц. Спасибо, Линвивер.

Макгрудер. (Стоит в прострации, упершись невидящим взглядом в Шварца) Каждую секунду, каждую минуту, каждый час: как же быстро они размножаются, эти жалкие маленькие спирохеты!

(Пауза, а затем с яростью) Если бы мне удалось победить их! Если бы я смог увидеть врага! Я чувствую, что у меня был бы шанс! Но эти маленькие ублюдки живут во мне, роют норы, как шайка отвратительных микроскопических крыс и я не могу справиться с ними. (Пауза) И знаешь, что еще, Шварц?

Шварц. Что?

Гланц. Ничего мне не поможет. Никакие таблетки! Никакие лекарства! Я закончу жизнь бессвязным идиотом, привидением в палате для умалишенных. Я могу уже представить эти дни и ночи - ужас! - мой язык больше не сможет произносить слова, и я буду лепетать как младенец. (Пауза) Что это были за скороговорки, Шварц?

Шварц. (Читает) Вот, смотри. Вот. «Карл у Клары...»

Макгрудер. (Повторяет сначала медленно, потом быстрее и, в конце концов, яростно быстро) Карл у Клары украл кораллы. Карл у Клары украл кораллы. Карл у Клары украл кораллы.

Шварц. «Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали».

Макгрудер. Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали!

Шварц. «Сшит колпак не по калпаковски. Надо колпак переколпаковать, перевыколпаковать».

Макгрудер. Сшит колпак не по калпаковски. Надо колпак переколпаковать, перевыколпаковать!

Шварц. «Из под топота копыт пыль по полю летит».

(Свет гаснет)

Сцена вторая

Утро того же дня. Одиннадцать часов. Кабинет доктора Гланца. Макгрудер застыл у дверей в кабинет, в то время как доктор Гланц объясняет действие механизма капитану Бадвинкелю, который сидит за столом.

Гланц. Это замечательное новое изобретение для записи человеческого голоса, сэр. Он имеется только у нескольких специалистов. Он называется магнитофон.

Бадвинкель. (с большим пиететом) О, да. Я слышал о нем.

Гланц. Война поразительная человеческая деятельность, сэр. В негативном смысле она порождает социальные недуги, такие, какими больны, например, наши юные пациенты. (Бадвинкель кивает) Но в позитивном смысле, в технологическом смысле достижения неисчислимы. Давайте подумаем о возможностях в послевоенные годы, когда механизмы, как этот, станут доступными и простыми в использовании, что конечно произойдет. Подумайте о том, с какой легкостью мы сможем записать первый крик появившегося на свет младенца, речь президента, или многочасовую лекцию доктора Норманна Винсента Пила.

Бадвинкель. Грандиозно! Победа разума! Расскажите мне, однако, доктор Гланц, как этот механизм может быть использован на практике при лечении венерических больных?

Гланц. Как Вы знаете, сэр, большинство венерических больных неисправимые лгуны и эта машина поможет повернуть их на путь правды. Пациенты будут больше тщательно подбирать слова, если они будут знать, что их заявления станут предметом тщательного исследования в последствии.

Бадвинкель. Великолепно. Расскажите про технику Вашего опроса.

Гланц. Вы сейчас увидите на практике сеанс с нашим молодым сифилитиком Макгрудером. Сегодня мы начнем с первого из двух этапов. Этот этап мы называем Обзорение .

Бадвинкель. Обзорение?

Гланц. Обзорение, сэр. Большой обзор. Мотивация, психология, биологические аспекты характера полового поведения пациента. Эта более абстрактная часть исследования позволит нам подойти ко второй, практической части. Ее мы называем Молниеносной фазой. В Молниеносной фазе, если Вы позволите нам эту шутку, сэр, - мы подберемся к причинному месту в ситуации. Но сначала первая фаза- Обзорение. Макгрудер входи и садись! (Макгрудер входит в

кабинет и садится напротив доктора Гланца и Бадвинкеля) Мы предполагаем, что Линвивер сказал тебе о твоей реакции Вассермана, мой мальчик.

Макгрудер. Да, сэр.

(Гланц включает магнитофон)

Гланц. Это означает, что ты страшно болен. Тем не менее, ты должен собрать всю свою волю, чтобы быть правдивым с нами в то время, как мы записываем твою историю с помощью этой машины. Если ты сделаешь это искренне, то мы, возможно, сможем спасти твою жизнь. Ты все понимаешь?

Макгрудер. Да, сэр.

Гланц. *(Просматривает какие-то записи)* Первое, как мы помним ты утверждаешь, что имел сексуальный контакт только кавычки открылись с двумя женщинами кавычки закрылись, одна из которых была кавычки открылись старой кавычки закрылись, а вторая была кавычки открылись молодой девушкой кавычки закрылись. Это правильно?

Макгрудер. Я думаю, да.

Гланц. Что значит, «я думаю»?

Макгрудер. Я запутался во всех этих кавычках сэр.

Гланц. Хорошо. Что мы хотим знать это то, с кем ты имел первую сексуальную связь: со взрослой женщиной или с девушкой?

Макгрудер. С моей девушкой, сэр.

Гланц. *(терпеливо)* А сейчас, Макгрудер, мы не настаиваем, чтобы ты описывал чувственные подробности с этой девушкой. Это не нужно - во всяком случае сейчас. Все, что нужно, это то, чтобы ты описал, как у вас все начиналось с ней, предшествовавшие акту события. Расскажи про обстоятельства, при которых вы познакомились. Думаю, причиной было сильнейшее эротическое влечение между вами.

Макгрудер. Нет, сэр. Причиной была поэзия.

Гланц. Поэзия?

Макгрудер. Конечно. Сэр, нас очень тянуло друг к другу. Но это было не так важно - все началось не с этого, во всяком случае. Как я сказал, вначале была поэзия. Остальное пришло потом.

Гланц. Милое объяснение. *(возится с магнитофоном)*

Макгрудер. В институте мы посещали курс английской поэзии вместе с Энн, так зовут мою девушку. Мы просто были без ума от стихов, которые мы вместе читали вслух.

Гланц. Какие стихи? Эротические? Наподобие стихов Уитмена?

Макгрудер. Да, сэр. Забавно, Вы сказали. Уолт Уитмен, Уильям Шекспир и Китс и...

Гланц. (*прерывает*) Уитмен, Шекспир, Китс... Три английских педика. Это три фрукта, в которых нет ни капли мужественности.

Макгрудер. Уитмен американец, сэр.

Гланц. Не важно, они все педики. В Англии все не настоящее. Даже клубника там не настоящая. Только один поэт в Англии не педераст- это Киплинг.

«Вот вам Джунглей Закон - и Он незыблем, как небосвод.
Волк живет, покуда Его блюдет; Волк, нарушив Закон, умрет.

Как лиана сплетен, вьется Закон, в обе стороны вырастая:
Сила Стаи в том, что живет Волком, сила Волка - родная Стая».

Если бы ты читал такие стихи, как эти, то не попал бы в передрагу, как сейчас.

Гланц. Отлично сказано, сэр. Продолжай, Макгрудер.

Макгрудер. Хорошо, сэр. Я думаю, это был один из вечеров, когда мы вместе читали стихи- субботним вечером. Началась гроза, и мы с моей девушкой – бежали через поле, и укрылись в старом разрушенном табачном сарае, и это был тот вечер, когда я понял, что люблю ее. И она любила меня. Это был первый раз у меня, первый раз, когда я занимался любовью с кем-то, и это как-то смешалось с поэзией, которую мы обсуждали. Мне кажется, что это было похоже на какой-то религиозный экстаз...

Бадвинкель. Мне кажется, что для тебя это и впрямь быть религиозный экстаз, мой молодой друг. Большинство американцев не считает блуд религиозным экстазом.

Гланц. Очень хорошо, Макгрудер, ты идеалист. Религиозный идеалист. Но по нашему мнению ты упускаешь одну важную деталь. (*Пауза*) Итак, скажи, была ли твоя девушка девственницей?

Макгрудер. О, да, сэр. Я точно знаю, что была.

Гланц. Очень хорошо. Мне нужно было только, чтобы ты сам сказал это. Значит, вот так начались ваши отношения, которые, по твоим словам, сопровождались кавычки открыты, многочисленными актами, кавычки закрыты. Что мы хотели бы знать теперь так это то, как долго продолжались ваши отношения?

Макгрудер. Сэр, они продолжают до сих пор. Они не прерывались.

Гланц. Замечательно.

Макгрудер. Мы общались с Анной весь следующий год до лета. Затем, она должна была уехать. Ее родители поехали в отпуск на море и взяли Анну с собой.

Гланц. И ты остался один. *(Пауза)* Один. Не имея возможности реализовать свои естественные сексуальные потребности.

Макгрудер. *(мрачно)* Да, сэр, можно так сказать. Если Вам так угодно.

Гланц. Правильно ли мы понимаем, что именно эти обстоятельства заставили тебя вступить в отношения со «взрослой женщиной», как ты ее называл, с той, с кем ты имел половой контакт?

Макгрудер. Это правда, сэр.

Гланц. Пожалуйста, расскажи в подробностях о ваших отношениях...

Бадвинкель. *(прерывая)* Минутку, доктор. *(Макгрудеру)* Из всего тобой сказанного я понял, что ты очень любишь свою девушку.

Правда?

Макгрудер. Да, сэр. О, да, сэр

Бадвинкель. До меня может быть с трудом доходит, Макгрудер. Может быть, я плохо соображаю. Возможно, я просто дурак. Поправь меня, пожалуйста, если я ошибаюсь. Но один из важных аспектов любви между мужчиной и женщиной является верность, не так ли? Палуба должна быть чистая и на носу и на корме, все должно сиять на корабле? *(пауза)* Я не собираюсь осуждать тебя за добрые сексуальные связи, но по моему разумению это дело отвратительное. С чем я на самом деле не могу согласиться, и ты должен об этом громко и ясно сказать, что ты изменил девушке во время ее летних каникул! *(откинулся в свое кресло с довольным видом)*

Макгрудер. *(болезненно переживая обвинение, он, несмотря на это, протестует)* Но, сэр, если вы позволите мне объяснить...

Гланц. *(Строго)* Тогда объясни, Макгрудер! Подробно!

Макгрудер. Тем летом по вечерам делать было особенно нечего и время от времени мы с приятелем- его зовут Рой Девис- мы брали пиво и ехали на машине его отца по дороге в сторону кладбища, где темно и тихо. Однажды вечером мы сидели там и пили пиво, когда напротив нас остановилась машина. В ней были две взрослые

женщины- до этого шел дождь, но потом выглянула луна и мы могли видеть их в свете луны- они смеялись и тоже пили пиво. Они уже прилично набрались. Мы с Роем крикнули им «Привет» и они ответили нам «Привет», и мы громко смеялись, и вскоре они вышли и сели к нам в машину. Они оказались работницами хлопчатобумажной фабрики, которые закончили работу. Многие люди в нашем городке смотрят свысока на этих работниц и называют их гусеницами.

Макгрудер. Да, сэр. Они работают на ткацких станках и машинах, и нитки запутываются у них в волосах и они становятся похожи на кокон. Вот почему их называют гусеницами.

Гланц. Эти женщины из низшего класса, не так ли? Ниже того, к кому принадлежишь ты, судя по твоему досье, ты можно сказать выходец из среднего класса.

Макгрудер. Да, сэр, можно сказать так.

Гланц. Как их звали? Не обязательно знать имена обеих, скажи, как звали твою гусеницу.

Макгрудер. Это смешно звучит , сэр, но я никогда не знал как ее зову, ее имени. Однако, я слышал , как ее подруга сказала « Он похож на твоего мужа. Просто вылитый Том Янси!» Поэтому с той ночи я вспоминаю о ней, как о миссис Янси.

Гланц. *(в микрофон)* Миссис Янси. *(Макгрудеру)* Что было потом?

Макгрудер. Да особенно не о чем рассказывать, сэр - кроме того, что мы дурачились и шумели в машине, все четверо, и я напился пива, и , надо признаться, сильно возбуждился. Мне было хорошо и чего-то хотелось. И миссис Янси была рядом. Мы шутили, играли. Она возбудилась, она просто не могла остановиться! Она стала целовать меня, ласкать меня, возбуждать меня, и я стал ласкать ее, и ее это очень завело. *(Пауза)* И вот, сэр, мы с миссис Янси выбрались из машины и пошли на кладбище, где занялись любовью. На могильной плите.

Гланц. Прямо на могильной плите? О, боже.

Макгрудер. Да, сэр, потому что земля была очень сырая. Поэтому мы выбрали, ну Вы знаете, одну из тех горизонтальных плит. Я помню, что там было написано чье-то имя- вроде Мак –Коркл.

Гланц. Ты имел только один контакт с этой женщиной. Почему же только один, если припомнить твои непомерные, как это же назвать, сексуальные аппетиты?

Макгрудер. Потому что Миссис Янси отключилась, сэр. И к тому же, опять пошел дождь.

Гланц. *(Делает какие-то пометки, роется в бумагах, а затем обращается к Макгрудеру с большой серьезностью)* Итак, Макгрудер, после этого грязного сношения – этой омерзительной возни - ты возвращаешься в объятия к своей возлюбленной, к этой девочке с абсолютным спокойствием и хладнокровием. Неужели, тебя не мучило чувство вины за все содеянное?

Макгрудер. Да, сэр, если честно, то мучило. Я вспоминал ту ночь много раз. *(Длинная пауза)* Я отчего-то страшно возбудился тогда. Больше это не повторялось. Думаю, что Энн поняла бы меня. Она очень разумная.

Гланц. Если ты не чувствуешь вину за предательство, может быть, ты почувствуешь ее за что-нибудь худшее?

Макгрудер. Что вы хотите этим сказать сэр?

Гланц. Если, как ты сам сказал, ты лишил свою девушку девственности, то вряд ли, ты заразился от нее. Она была чиста. А ты самым банальным образом мог подхватить свою инфекцию от той взрослой женщины во время ваших безумств на кладбище. И с вероятностью почти на сто процентов ты в свою очередь потом заразил свою девушку.

Макгрудер. Но, сэр...

Гланц. Надо смотреть правде в глаза, Макгрудер. Что сделано, то сделано. И с твоим быстрым и проницательным умом ты должен был в глубине сознания понимать эту страшную опасность.

Макгрудер. *(Отчаянно)* Вы думаете...?

Гланц. *(твердо)* Да. *(после маленькой паузы)* И так, как эта болезнь развивается в тебе, то она также развивается в этой невинной, ничего не подозревающей девочки.

Макгрудер. О господи! *(Пауза)* Может быть в глубине сознания... *(плачет)* Но я не хотел никому причинить вреда. Никому! Особенно ей!

Бадвинкель. Почему ты плачешь, Макгрудер? Ради всего святого, прекрати это. Оооо! Слезы в ком-то старше шести лет вызывают у меня мурашки по телу. Прекрати плакать. Я не выношу этого. *(Макгрудер продолжает беззвучно плакать, уткнув лицо в ладони, оглядывается в отчаянии по сторонам)*

Гланц. Ты что не слышал приказ Капитана? Прекрати плакать, Макгрудер! Мы требуем, чтобы ты прекратил плакать! *(Они с*

Бадвинкелем стоят над Макгрудером, уговаривая его перестать плакать, в то время, пока он смотрит в пространство, ничего не говоря и беззвучно плачет. Сцена уходит в темноту при словах «Мы требуем, чтобы ты прекратил плакать!»)

Третий акт

Сцена первая

Несколькими днями позже. Позднее утро. Макгрудер сидит в одиночестве и пишет письмо. В углу сцены во всю идет игра в карты. Игроки- Станцик, Мак Даниел и другие. Лаконичный диалог игроков : « Бей меня», « Ну, держись» «Бей еще» Это первое, что мы слышим при поднятии занавеса. Шварц отсутствует, а Кларк лежит в своей постели с привычно безнадежной и бессловесной безучастностью. В кабинете доктора Гланца стоит Линвивер в ожидании инструкций от доктора, который сидит за столом. Макгрудер отложил свой карандаш и тетрадь, он встает и направляется к туалетной комнате. По ходу движения он спотыкается о керамическую грелку, стоящую на полу, и выходит налево.

Гланц. Его выпишут в понедельник. *(Линвивер держит конверт)*
На этом все, Линвивер.

Линвивер. Так точно, сэр. *(разворачивается и выходит из кабинета, входит в палату и подходит к игрокам.)* Станцик, у меня для тебя хорошие новости. *(Станцик и двое других поднимают головы.)* Твой красавец не течет больше, твой мазок на гонококки отрицательный, твоя простата первосортная, сперма, о которой можно только мечтать, уретра восхитительная, придаток яичка выиграл золотую медаль на конкурсе придатков - и ты выйдешь отсюда в понедельник. Вот приказ на твою выписку.

Станцик.*(Яростно)* Я говорил тебе, что я выиграю, Мак Даниел? Я говорил, что я избавлюсь от этих микробов и выйду отсюда на следующей неделе. Гони свои пять баксов!

Макгрудер. (*Возвращается к картам*) Двадцать один. Плати сам. (*про между прочим*) я вычту из твоего карточного долга, Станцик. Ты должен мне двести двадцать тысяч долларов. Минус пять.

Линвивер. Поздравляю тебя, Станцик.

Станцик. (*Глядит в бумаги*) Да, все правильно. Меня выписывают! (*оглядывается с торжествующим видом*) Я не могу дождаться освобождения. Я не могу дождаться, когда я доберусь до Норфолка и встречу с той девкой, с которой я познакомился...

Линвивер. (*прерывает*) Надеюсь, у тебя есть свой счет, Станцик. Потому, что тогда ты заплатишь все, что мы потратили на твое лечение здесь. Тебе и пяти лет не хватит для этого. Ты будешь в заложниках, даже когда кончится война, и все вернуться домой.

Станцик. О, боже, я забыл об этом!

Линвивер. Что касается интрижки с какой-нибудь девкой, я могу тебе сказать Станцик, что ты удивительный, потрясающий феномен. Ты идешь наперекор матушке Природе. Язвенники не могут думать о еде, парни с вывихом ступни содрогаются при мысли о прогулке, те, у кого ларингит не мечтают о том, чтобы поговорить. Все, кого я видел здесь и думать не могли о сексе, как будто они евнухи. Но ты Станцик, ты уникал! Клянусь богом! И в будни и в праздник, когда шел дождь и когда сияло солнце, со страшным диагнозом в руках, ты всегда, когда я тебя слышал, говорил только о заднице. Я не считаю тебя примитивным, я отношу это к твоей жизненной силе или чему-то такому...

Макгрудер. (*шепчет с отчаянием в голосе*) Сшит колпак не по колпаковски. Надо колпак перекалпоковать, перевыкалпоковать. (*Подходит к своему стулу, тяжело садится, обхватив голову руками.*)

Линвивер. (*увидев Макгрудера, направляется к нему*) Как ты, сынок?

Макгрудер. (*печально поднимает глаза*) Анализ крови? Какой он сегодня?

Линвивер. Прости, я хотел бы успокоить тебя. Но он все еще на верхнем пределе.

(*Пристально смотрит на него*) С тобой все в порядке? Ты выглядишь немного взволнованным. (*Щупает его лоб*) Хммм. Лоб горячий. Надо померить температуру. Как ты себя чувствуешь?

Макгрудер. Не очень хорошо, если честно. Голова болит, везде ломит... И еще одно... мои десны стали ужасно кровоточить.

Линвивер. Открой рот. (*Осматривает*) Мммм. Действительно. Довольно воспаленные.

Макгрудер. Они сейчас не кровоточат, но , боже, когда я чищу зубы...(*останавливается, и потом с новым приступом страха в голосе*) Ты не думаешь, что это- я имею ввиду- (*запинается*) Как ты думаешь, что это значит?

Линвивер. Я не знаю. Я просто не знаю. Нам лучше это проверить. (*идет направо с обеспокоенным видом*) Лучше проверить. (*выходит*)

Кларк. (*Приподнимется на локтях на кровати, посмеивается*) Это все маленькие живчики внутри тебя. Маленькие спирохеты, они поднимаются все выше и выше. Теперь они у тебя во рту. А скоро они доберутся сюда (*дотрагивается до лба*) И тогда- каюк! Хи-хи. (*Макгрудер понимает, что сказал Кларк, смотрит на него, но не реагирует, садится писать письмо. Спустя мгновение он внезапно сминает письмо, бросает его через палату в стену и вскакивает с яростью*)

Макгрудер. (*говорит в сторону Кларка, но его гнев на самом деле направлен на себя самого.*) Да, я соврал ей. Я не только мешок с дерьмом. Я еще подлый , ничтожный лгун. Все потому , что у меня нет смелости, нет духу, чтобы сказать ей правду. (*Пауза, его страдание возрастает*) Правду! Как сказать эту правду? Как сказать кому-то, что ты дьявольски испачкал его? Я должен был рассказать ей, но как было найти слова для таких мерзких новостей? (*Пауза*) И это проклятая миссис Янси! Я бы написал ей, если бы знал ее адрес! Я бы написал ей и сказал, чтобы она прекратила шататься по кладбищам и заражать людей!

Кларк. (*Медленно, вяло, безучастно*) Чертовы спирохеты. В них вся проблема. Страшная проблема.

Макгрудер. (*Начинает писать, рвет письмо, потом опять принимается писать. Затем роется в кармане своей рубы в поисках кошелька, лихорадочно роется в другом кармане, обнаруживает , что кошелька нет*) Мой кошелек! (*Кларку*) Мой кошелек! Мой кошелек с ее фотографиями! (*Перерывает свой рюкзак, смотрит под матрацем, ищет под кроватью*) Мой кошелек! Он пропал!

Кларк. Сколько там было денег, белый мальчик?

Макгрудер. Я не знаю. Не много. (*у него в голосе отчаяние*) Не много! Пять долларов, может быть, шесть. Но дело не в деньгах.

Там были ее фотографии! Снимки моей девушки! Там было три фотографии. И они пропали!

Кларк. *(делает ему знак рукой)* Подойди сюда. Я хочу тебе кое-что сказать. *(говорит тоном заговорщика)* Слушай внимательно, что я скажу тебе.

Макгрудер. Что?

Кларк. Вот кто взял твой кошелек и я видел это своими собственными глазами.

Макгрудер. Кто же это? Кто взял его?

Кларк. Его взял еврейчик.

Макгрудер. *(отшатывается, скептически)* Шварц? Шварц взял мой кошелек? Ты сошел с ума, Лоренцо! Шварц не мог этого сделать!

Кларк. Я говорю тебе! Клянусь Богом трижды, и готов за это пойти прямо в ад, если Шварц не украл твой кошелек. *(Его голос слабеет, говорит с убеждением и страстью)* Это был он!

Макгрудер. *(Все еще недоверчиво)* Когда ты видел, что Шварц крал у меня кошелек? Не ври. Я знаю, ты ненавидишь его, но не наговаривай на невинного человека!

Кларк. Он украл его прошлой ночью. Поздно ночью я видел, как он украл его. Я не спал прошлой ночью и видел, как еврей подошел и украл его. Он подошел, вытащил его из твоей робы и ушел к своей кровати. Еврей – вор.

Макгрудер. *(с меньшим сомнением)* Я не могу в это поверить.

(Пауза) Я просто не могу поверить, что такой человек, как Шварц способен украсть чей-либо кошелек.

(Он продолжает обыскивать свою кровать)

Кларк. *(Доверительным тоном)* Это всем известно. Евреи любят деньги.

Макгрудер. *(Протестуя)* Пошел ты, Лоренцо, знаешь куда! Это глупость.

Кларк. *(Прерывая)* Позволь мне сказать тебе что-то. Кто еще мог украсть его, кроме еврея? *(показывает на три кровати)* Вот ты. Вот он. Вот я. Я не могу и шагу ступить. Кроме нас никого рядом нет. Поэтому никто, кроме еврея, не мог его украсть. Ха-ха. Разве что только ты сам у себя его украл.

Макгрудер. *(Пауза, потом он начинает видеть какую-то логику в том, что говорит Кларк)* Но я просто не могу согласиться, что такой человек как Шварц может ...

Кларк. Я не вру тебе, парень. Как знаешь. Хочешь верь мне , хочешь нет. Мне без разницы!

(Кларк отворачивается, Во время предыдущего диалога Шварц появляется в палате. В то время, когда Кларк отворачивается, Шварц подходит к Макгрудеру. Заметно, что он ослабел, движения замедленные, походка неровная)

Шварц. Привет, Уолли. Как ты себя чувствуешь, Уолли?

Макгрудер. *(Холодно)* Спасибо, не очень хорошо.

Шварц. *(не обращая внимания на тон Макгрудера)* Да, и я также. У меня был очередной осмотр утром. Знаешь про эти боли, что начались у меня вчера ночью? *(выглядит испуганным)* Знаешь, они говорят, что моя болезнь прогрессирует. Прогрессирует!

Макгрудер. *(холодно, сухо)* Шварц, я хочу с тобой кое о чем поговорить.

Шварц. Конечно, Уолли. О чем?

Макгрудер. Ты видел мой кошелек? Он пропал.

Шварц. Твой кошелек? Ты имеешь в виду видел ли я когда-нибудь твой кошелек? Ну как же, я видел его недавно. Когда ты рассматривал фотографию своей девушки.

Макгрудер. Нет, не недавно, я имею в виду с прошлой ночи, ты его видел?

Шварц. Нет, Уолли, честно говоря, не видел.

Макгрудер. Шварц, мне неприятно это, но я хотел спросить. Ты брал мой кошелек?

Шварц. *(так шокирован, что не в силах какое-то время произнести ни слова)* Я украл твой кошелек? Я украл твой кошелек!

Макгрудер. *(очень возбужденно)* Я не сказал- украл! Я сказал - взял! Я не обвиняю тебя в воровстве. Может быть, ты просто взял его. Просто взял, понимаешь? Взял его, чтобы занять у меня пять долларов, чтобы купить что-нибудь в лавке и не хотел будить меня, чтобы спросить. Что то вроде этого. Я не обвиняю тебя в воровстве, просто ты мог взять его. Где он Шварц? Верни мне его!

Шварц. *(с негодованием)* Нет! Я не прикасался к твоему кошельку! Что ты такое говоришь? Я никогда ничего не украл за свою жизнь. *(приближается обиженно к Макгрудеру)* Кроме той долбанной книги, которую я украл для тебя!

Шварц. Не дыши на меня! Признайся, что ты украл этот кошелек!

Шварц. Я не дышу на тебя! (*приближаясь еще*) И я не крал твой чертовый кошелек! Только такой урод - грязный подонок, дегенерат с юга мог обвинить невинного человека в подобной низости! (*Они сцепились другом с другом*)

Кларк. Эй, жиденек! Будь толерантным! Эй-эй!
(*В это время на сцене появляется Линвивер и пытается остановить ссору*)

Линвивер. Прекратите! Что тут происходит? Никаких драк среди больных. Приказ доктора Гланца. (*он становится между ними и осторожно пытается оттеснить Макгрудера*) Хотя это интересная идея. Сражение между сифилитиком и чахоточным. (*Макгрудеру*) Успокойся, сынок. Они нашли твой кошелек в прачечной. (*Протягивает ему кошелек*) Он был в твоей робе. Есть еще честные парни в американском флоте.
(*он уходит со сцены налево. Длинная пауза полная неловкости*)

Макгрудер. Ты должен простить меня, Шварц. Как я могу загладить свою вину за то, что наговорил тебе сейчас?
(*направляется к кровати Кларка*) Ты! Ты, Лоренцо! Ты черножопый сукин сын!

Кларк. Ха-ха!

Шварц. (*Сидит подавленный*) Не надо Уолли! Не стоит даже произносить его имя. Я должен был догадаться сам, что это его рук дело. Я забыл, на что он способен. (*Обращается к Кларку*) Но ты настоящий дьявол. Не встречал никого злее тебя.

Кларк. Ха-ха!

Шварц. Кларк!

Кларк. Что тебе нужно, жиденок?

Шварц. Послушай, Кларк, почему ты никогда не называешь меня по имени? Это же не трудно? Я же называю тебя по имени? Я не называю тебя черножопым. Я зову тебя Кларком, ты черножопый. (*Кларк смеется*) О, парень, если есть в мире человек, которого стоит назвать черножопым, так это ты, Кларк, ты черножопый негр!

Кларк. Жиденку не нравится, когда его называют жиденком, кому бы это понравилось быть жидом!

Макгрудер. Извини меня, Шварц. Я чувствую себя ужасно. Надеюсь, ты примешь мои извинения.

Шварц. Тебе не нужно извиняться, Уолли. Я понимаю. Я тоже прошу прощения за то, что наговорил тебе. (*Пауза, он смотрит безмолвно на него*) Когда- ты обвинил меня, то я вдруг подумал:

«Это его болезнь виновата» Я сказал себе «Это все часть его заболевания».

Макгрудер. (с мрачным предчувствием) Что ты имеешь в виду? Что ты имеешь в виду Шварц, говоря, что во всем виновата моя болезнь?

Шварц. Ничего, Уолли.

Макгрудер. (с большим жаром) Скажи, что ты имел в виду!

Шварц. Ничего. На самом деле, Уолли. Совсем ничего.

Макгрудер. Ты имел в виду деньги? И что там пишут об этом в книге?

Шварц. (нехотя) Ну, хорошо...

Макгрудер. Что об этом сказано в книге?

Шварц. Уолли, Уолли, не мучай себя!

Макгрудер. Но что там сказано? Ты же помнишь.

Шварц. Там написано, что когда у тебя паралич, то первый признак этого, что пациенту кажется, что окружающие обворовывают его.

Макгрудер. (Садится медленно, потрясенно и испуганно) Мой бог, правда. Я и забыл об этом. О, Боже. (Обращается к Кларку) Но у меня была на то веская причина. Я имею в виду, все ведь случилось из-за Лоренцо- он во всем виноват. (Пауза) Но при всем при этом! Я не стал бы так говорить с тобой, если бы не был болен! (Пауза, смотрит в ужасе вокруг, затем хватается за голову) Как сказал Доктор Гланц, это все идет из моей головы! Я сумасшедший! Я спятил! Я спятил!

(Демоны ревут. У него истерика. Его пытаются успокоить и усмирить. Свет гаснет.)

Сцена вторая

Несколькими днями позже, позднее утро. Макгрудера нет, Кларка нет также, его постель застелена, кровать пуста. Шварц с градусником во рту лежит и читает свою книгу «Как управлять зоомагазином». Линвивер входит слева и проходит через палату к кровати Шварца, проверяет термометр у Шварца.

Линвивер. Хмм. Не плохо. Как ты себя чувствуешь, старина?

Шварц. (*прикасается к своему животу*) Сегодня здесь не так болит. Не так, как вчера ночью. Это было ужасно!

Линвивер. Тебе помогли таблетки, которые я дал?

Шварц. О, да, я быстро уснул. Боль прошла. И знаешь, мне снились прекрасные сны. Фантастические сны! Мне снились разные животные. Забавно, наверное, это потому, что я читал свою книгу о том, как управлять зоомагазином.

Линвивер. (*Щупая пульс у Шварца*) Хорошо. Хорошо, что боль прошла и тебе снились веселые сны.

Шварц. В одном из них мне снилось, что я нахожусь в зоомагазине. Я хочу купить такой после войны. Только странно, в нем не было ни одной клетки. Животные - они все там ходили сами по себе, как на воле. (*Пауза*) Какой забавный сон. Все знают, что в зоомагазине не может не быть клеток.

Линвивер. (*рассеянно*) Мммм. Станный сон. Что бы ты хотел, Шварц? Может быть, стакан апельсинового сока? Как насчет стакана сока со льдом?

Шварц. Да, это было бы славно.

Линвивер. (*Отходит*) Я пришлю тебе его из кухни. (*Он подходит к Андерсену, одному из мед братьев и говорит с ним тихо, чтобы Шварц не слышал. Показывая состояние Шварца, он производит серию нервических жестов руками*) Я не понимаю, помогает ему морфин или нет. Если он будет опять так страдать, то надо увеличить дозу на восемь миллиграмм внутривенно.

(*Он уходит, Какое-то время Шварц продолжает читать, Справа появляется Макгрудер, в руках у него ранец. Он все еще носит свою робу, на которой написана буква «S»*).

Макгрудер. Привет, Шварц.

Шварц. Уолли! С возвращением! Я думал тебя выписали!

Макгрудер. Нет, Шварц, мне не настолько повезло. Это все мои десна. Помнишь, как они кровоточили? Меня положили в отделение наверху и обследовали четыре дня, а потом лечили мне десны. Трудно понять, что они там нашли. (*Пауза*) Географическая глотка. Они сказали, что у меня географическая глотка.

Шварц. Итак, ты вернулся.

Макгрудер. Да, я вернулся

Шварц. Назад.

Макгрудер. Назад. (*длинная пауза*) Так или иначе, они подлечили мою глотку. Они мазали мои десны какой-то красной мазью, и я

выглядел, как Дракула, и через сорок восемь часов все очистили. (Пауза) И вот у меня потрясающе чистый рот теперь. Чистый и без проблемный. Рот, который захотела бы поцеловать любая девушка. Если бы она не знала, что у меня еще есть. (Пауза, оглядывается вокруг) А где Лоренцо?

Шварц. Кларк? (Маленькая пауза) Он умер.

Макгрудер. Умер? (Пауза) Не могу в это поверить! Боже!

Шварц. Он быстро ушел, Уолли. Как долго тебя не было? Четыре дня? Он, по-моему, умер в среду, на второй день, как ты ушел. Сразу после того, как тебя перевели наверх, он впал в кому, думаю, это так называешься. Доктор Линвивер и доктор Гланц пытались его вернуть, но безуспешно. (пауза) Парень, как же он вонял в последние дни!

Макгрудер. (задумчиво) Это грустно. Несмотря на то, что он был патологически злым, все это очень грустно. Всегда так. Трудно поверить, что Лоренцо нет.

Шварц. Было грустно. Мне было ужасно грустно видеть, когда он впал в кому, несмотря на все гадости, которые он совершал. (Пауза) Знаешь, Уолли, мне было так его жаль, что я даже попытался пообщаться с ним. Его лицо посинело. Оно стало странно синего цвета, как будто ему под кожу впрыснули синих чернил. И его черные губы оттопырились в агонии и обнажили зубы. Это всего меня перевернуло. Он выглядел таким несчастным и бесконечно одиноким в этой своей агонии.

Макгрудер. Ты что-нибудь сказал ему? Ты что-то дал ему?

Шварц. В каком то смысле да. Но не буквально, хотя и старался. Не знаю Уолли, я стоял и смотрел на него, видел муки на лице, слушал его тяжелое дыхание, я сказал себе «Он умирает». И я открыл книгу Рэбби на слове «Смерть». И прочитал Лоренцо несколько строк оттуда. «Смерть – прекрасная и естественная часть жизни, ее стоит бояться не больше, чем сна». И я слышал, как Лоренцо сказал – это все ишачье дерьмо». И потом я подумал – это в нем ненависть говорит, наша ненависть возвращается к нам – к нам, чья кожа белая, и это переполненная чаша терпения изливается на нас самих. Я думал, что должен просить прощения у Лоренцо, просить, чтобы он простил меня, простил нас, за все, что мы сделали ему, и поэтому я открыл книгу на слове Прощение и прочитал эти замечательные строки. Самый большой дар человека – это умение прощать». И потом я спросил: «ты понимаешь это,

Лоренцо? Ты можешь простить меня?». И его голос был таким слабым и больным. Я слышал, как он ответил: «Прощаю». И он издал короткий смешок и сказал: « Прощаю. Поцелуй мою черную задницу». *(Пауза)* Уолли, Уолли, я был в отчаянии. Он угасал на моих глазах, умирал прямо передо мной. Я чувствовал, что не должен позволить ему уйти со всей этой ненавистью внутри него. Как-то должен был достучаться до него. Поэтому я прочитал ему еще из книги, где Рэбби говорит о девятой симфонии Бетховена. « All Menschen werden Bruder» - надеюсь я правильно это произношу- «Все люди становятся братьями, когда они протягивают друг другу руки и любят друг друга». Затем я прекратил читать и посмотрел на него и сказал: «Лоренцо, мы не должны жить и умирать с такой ненавистью внутри нас. Мы должны быть братьями и любить друг друга». Затем я сказал напоследок «Я люблю тебя, Лоренцо. Я люблю тебя , как брата. Пожалуйста, позволь себе любить и меня в ответ». *(Пауза)* Он сказал: «Хорошо, я полюблю тебя» *(Пауза)* Я полюблю тебя, когда в жопе у свиньи распустятся розы».

(В этот момент свет переходит в кабинет к доктору Гланцу, который начинает разговаривать жестами с Линвивером).

Макгрудер. *(обдумав слова Шварца)* Понятно, он весь в дерьме. А что ты, Шварц? Как ты сам себе чувствуешь?

Шварц. О, я не знаю, Уолли. Бывали времена и получше, конечно. Но так приятно тебя снова видеть. Даже, при том, что я понимаю, что ты не очень рад своему возвращению.

Макгрудер. *(трагически)* Да, Шварц, я не рад возвращению.

Шварц. *(осторожно)* У тебя появились какие-то плохие симптомы?

Макгрудер. Нет *(пауза)* Ну, я не знаю. Я гулял на днях и оступился. Меня прошибло потом, я вспомнил об анемии, но это больше не повторилось. *(Пауза)* Не знаю, Шварц. Сейчас я так хорошо себя чувствую, что не хотел бы сдаваться.

Шварц. Ты прекрасно выглядишь, Уолли. Я не думаю , что стоит беспокоиться. Думаю, просто ты отсидел ногу. Ты классно выглядишь. Я бы хотел выглядеть таким здоровым , как ты.

Макгрудер. Если бы я выглядел также, как я себя чувствую, то ты бы увидел моряка сифилитика на двести процентов.

Шварц. *(от боли морщится)* ОООО!

Макгрудер. Что случилось? Тебе помочь?

Шварц. Ничего не надо. Она приходит и уходит, моя боль. Все будет в порядке.

Линвивер. *(входит слева, оттуда, где он говорил с Гланцем)* Макгрудер, ты родился в рубашке. Все твои тесты на реакцию Вассермана стали отрицательными.

Макгрудер. *(остолбенев)* О чем ты говоришь?

Линвивер. Выходит, что ты чист, как стеклышко. У тебя не больше сифилиса, чем у Микки Мауса.

Макгрудер. Не понимаю о чем ты.

Линвивер. Твой диагноз был изменен на фальшиво позитивный после того, как тебе было проведено лечение полости рта.

Макгрудер. Это какая шутка? *(вскипает яростью)* Не шути так, Линвивер! Не умничай! Я не вынесу этого, поверь мне!

Линвивер. *(обнимает его и пытается успокоить)* Это не шутка, сынок. Ты будешь жить как герой где-нибудь на океане и наслаждаться солнцем на пляже. Это же лучше, чем кончать дни слепым или парализованным? А если ты и умрешь, то тебя наградят крестом.

Макгрудер. Но я не понимаю!

Линвивер. Это просто. Давай я объясню. Тест на реакцию Вассермана почти всегда правильный. В некоторых случаях, в одном из тысячи, какие-то заболевания могут спровоцировать фальшивую реакцию. Малярия, например. Инфекция полости рта, тонзиллит в другом случае. Когда ортодонт вылечил твои десна, то реакция Вассермана стала негативной. Вот и все!

Макгрудер. *(освобождается из его объятий)* Что ты говоришь такое? Ты сам понимаешь, что ты говоришь?

Линвивер. *(осторожно)* Пусть остальное тебе расскажет шеф, сынок. Пусть объяснит доктор Гланц. Он хочет тебя видеть прямо сейчас. И вот, кстати, твое предписание. Ты может завтра возвращаться в часть.

(Он вручает ему предписание)

Макгрудер. *(все еще в состоянии шока)* Негативная реакция Вассермана? Фальшивая позитивная реакция? Тонзиллит?

(Он останавливается перед кабинетом доктора Гланца и слушает что происходит внутри, Совершенно понятно, что у него на уме, когда он это слышит. В это время свет переключается на кабинет доктора Гланца, который сидит перед магнитофоном,

слушая интервью с Макгрудером, выражение лица чувственное, бесстыдно чувственное).

Голос Гланца Блиц опрос. Сессия номер два. *(Пауза)* А теперь, Макгрудер, мы хотим напомнить тебе снова, что ты должен описать своими словами первые отношения с девушкой, своими словами. Итак *(пауза)* Ее соски на груди затвердели и порозовели, когда ты прикоснулся к ним рукой?

Голос Макгрудера. *(протестуя)* Но , сэр *(пауза)* Да, сэр, они затвердели, но...

Голос Гланца. Ты сам должен рассказать, мы на этом настаиваем!

Голос Макгрудера. Хорошо, сэр, пусть так. Соски порозовели и напряглись, когда я прикоснулся к ее груди рукой.

(Гланц останавливает магнитофон и прокручивает ленту назад, заново прослушивает кусок, а потом продолжает слушать дальше).

Голос Гланца. И ее бедра. Они были горячие и гладкие, когда ты их гладил?

Голос Макгрудера. Да, сэр. Они были горячие и гладкие, когда я гладил их.

(Магнитофон выключается и Макгрудер входит в кабинет)

Гланц *(засуетившись)* Как раньше говорили «и на старуху бывает проруха». Ты понимаешь, что это значит? Ты слышал эту поговорку?

Макгрудер. *(Медленно, как в трансе, почти беззвучно, с медленно нарастающей яростью в голосе)* Это не только раньше так говорили. Это и сейчас так говорят, сэр. *(Слово «Сэр», произнесенное после паузы, звучит угрожающе)* И на старуху бывает проруха.

Гланц. Так или иначе, ты понимаешь суть. Это относится и к нашим современным научным методам диагностики. Самые совершенные инструменты и методы диагностики иногда дают сбой. Например, реакция Вассермана. Самое надежное средство для обнаружения сифилиса не совершенно. В твоём случае, оно дало сбой.

Макгрудер. *(Его голос дрожит)* Тогда почему Вы не сказали мне об этом, сэр?

Гланц. *(не услышав его протест)* Как тебе без сомнения уже сказал Линвивер, твоя позитивная реакция Вассермана была вызвана тонзиллитом, когда у тебя впервые здесь взяли анализ и

потом все это только усугублялось. Микроорганизмы при тонзиллите и спирохеты по своей природе довольно похожи и дают одинаковую реакцию Вассермана. Это не так часто бывает, но все же случается...

Макгрудер. *(Его голос все еще тихий, но начинает возрастать)* Вы могли сказать мне об этом.

Гланц. О чем я мог сказать, Макгрудер?

Макгрудер. *(опять очень тихо)* Вы могли мне сказать!

Гланц. *(несколько обеспокоен его тоном)* Сказать что?

Макгрудер. *(Он тщательно выговаривает слова и сдерживает ярость, которая с трудом уже им контролируется)* Скажите мне теперь, что вы должны были сказать мне раньше.

Гланц. Мы не вполне понимаем...

Макгрудер. *(Довольно агрессивно, игнорируя субординацию)* Тогда я заставлю Вас понять. Если бы Вы сказали то, что должны были, то это дало бы мне какую-то надежду. Вы должны были сказать, что у меня могла быть и другая болезнь. Например, хронический тонзиллит. Плоскостопие! Стригущий лишай! Что угодно! Вы не имели права быть так уверены в том, что я умру разбитый параличом и слепым!

Гланц. *(встревоженный тоном Макгрудера, поднимаясь со своего кресла)* Осторожно, Макгрудер. Я официальное лицо при исполнении служебных обязанностей. Держи себя в руках. Причина, почему я не говорил тебе о возможных ошибках в диагнозе в том, что у нас есть приказ никогда не давать пациентам ложную надежду.

Макгрудер. Надежду! Что ты знаешь о надежде и ожидании. Не говори мне о надежде и ожидании, ты, сукин сын!

Гланц. Ты забываешься, Макгрудер! Тебя посадят за это. Ты говоришь с лейтенантом армии США!

Макгрудер. *(подходит ближе к Гланцу, берет железный стул и двигается навстречу).* Заткнись и слушай! Теперь я кое-что тебе скажу. Не корми меня своим лейтенантским дерьмом! Для меня ты хуже фашистов. Одна разница между тобой и эсесовцем в том, что от эсесовца не пахнет хлороформом. Дай мне эту запись, лживая вонючая свинья!

Гланц. *(паникуя)* Макгрудер, ты потерял рассудок. Прекрати! Остановись! *(по направлению к двери)* Дежурный! *(Макгрудеру)* Мы протестуем!

Макгрудер. *(прерывая, берет стул и прижимает Гланца к стене)* Прекрати говорить мы, ты, урод! Ты не конгресс США или корпорация, ты не король Швеции! Ты паршивый маленький функционер с грязными мозгами и стетоскопом в ушах, черт побери, я с этого момента требую, чтобы ты говорил я, а не мы. Дай мне эту пленку!

Гланц. *(Пытаясь урезонить)* Макгрудер, мальчик, успокойся. Позволь мне объяснить тебе. Оу! Ты мучаешь нас! Позволь нам объяснить тебе! Оу! Оу! Ты раздавишь мне голову!

Макгрудер. Мне! Не нам! Говори - позволь мне объяснить тебе, черт побери.

Гланц. *(сломлен)* Позволь мне объяснить. Оу, оу! Ты сдавил мне артерию!

Макгрудер. *(Все еще атакуя, руками сжимает шею доктора, толкает Гланца стулом)* Объясняй!

Гланц. Сперва мы хотели спросить...

Макгрудер. Я хочу спросить...

Гланц. Сперва я хочу спросить тебя...

Макгрудер. Теперь я задаю вопросы, Гланц! Слушай. Отвечай мне. Ответь мне, почему ты не сказал, что была вероятность, шанс, на то, что я у меня была другая болезнь.

Гланц. Потому что, как я сказал, это было наше, мое правило никогда не зря не обнадеживать пациента. Оу! Ты сдавил мне трахею!

Макгрудер. Ты лжешь, Гланц! Ты просто возбуждался от этого. Ты получал от этого кайф!

Гланц. Это не справедливо! Я врач! Я принял клятву Гиппократата. Это чудовищное обвинение...

Макгрудер. *(прерывая)* Ты не врач, Гланц! Ты вампир! Ты питаешься дерьмом.

Гланц. *(пытаясь освободиться)* Это клевета, низкая клевета. Как дипломированный уролог, присягнувший помогать людям я отвергаю эти домыслы, эти обвинения...

Макгрудер. *(принуждая его сесть)* Заткнись, ты червяк! Есть еще кое что, что я хотел бы тебе сказать, а ты должен услышать. А затем ,ты можешь сдать меня в полицию, ты бешеная обезьяна. Я хочу еще кое что узнать. О твоих порнографических допросах. Как насчет этого? В чем был их смысл, кроме как не в том, чтобы

возбуждать твой гнилой рассудок? О, я хочу взять эти записи. Я хочу, чтобы кто-нибудь услышал, как ты работал!

Гланц. *(Взвыл)* Опять неправда, Макгрудер. Ошибка! Злостная клевета! Если бы я так тщательно не исследовал все нюансы твоей биографии, то никогда бы не доказал, что ты подхватил свой сифилис от той взрослой женщины... с кем ты... *(начинает понимать, что говорит неубедительно, и замолкает)* ты имел отношения. *(Пауза)* Я никогда бы не имел возможности ... доказать... источник... *(останавливается)* Я имею ввиду, Макгрудер...

(Длинная пауза во время которой они пристально смотрят в глаза друг другу и оба отчетливо понимают, что Гланцу нечего сказать в оправдание)

Сцена третья

В тот же день, несколько часов спустя, Макгрудер сидит на кровати, пишет письмо. Одет в рубашке и штанах цвета хаки, его стережет охранник с нашивками военной полиции. Линвивер входит на сцену слева, чтобы осмотреть Шварца, который лежит в кровати, получив свою дозу лекарства.

Линвивер. Как ты себя чувствуешь, Шварц?

Шварц. *(после паузы)* Получше, мне кажется. Эти уколы-действуют.

Линвивер. *(хлопает по плечу)* Хороший парень. *(Отходит от Шварца и направляется к Макгрудеру, встает над ним, руки в боки, обращается к нему, как отец к своему нашалившему сыну)* Сынок, ты попал в плохую историю. Понимаешь? *(К охраннику)*. Ну и когда ты его потащишь на гауптвахту?

Охранник. С минуты на минуту, я думаю. Я жду, пока капитан Бадвинкель закончит писать свой рапорт на заключенного.

Линвивер. О, господи, ты вляпался, сынок. Лучше бы ты убил человека или стал содомитом, лучше бы ты завел свой корабль на рифы. Все это ничего. Но совершить то, что ты наделал...Оскорбить уважаемого офицера! О, парень, страшно подумать, что они с тобой сделают!

Макгрудер. *(Без эмоций)* Что Линвивер? Что они могут сделать?

Линвивер. Ну, когда кто-нибудь из военных моряков совершает преступление, то его сажают в большую тюрьму в Портсмунде, штат Нью Гемпшир. Уверен, ты слышал о ней. В ней есть подвал, куда сажают таких, как ты, а ключ выбрасывают. *(Печальным тоном)* Зачем же ты это сделал, парень? Как же ты мог совершить такое ужасное преступление?

Макгрудер. *(после краткого размышления)* Я просто не мог тогда поступить по-другому.

Линвивер. Уолли, пусть это останется между нами, но ты страшно напугал доктора Гланца. Он так расстроился, что я был вынужден вколоть ему два кубика нембутала. Смешно было видеть, как он спал в своей комнате и посасывал палец, как младенец. Никогда такого не видел. *(Пауза)* И знаешь, что еще?

Макгрудер. Что?

Линвивер. Такого никогда раньше не случилось. Я имею в виду, что он стал говорить со мной от своего имени. От первого лица. Он стал говорить «я», а не «мы», как обычно. «Я иду спать!»

Фантастика! *(Он выходит со сцены налево. Макгрудер сидит и пишет письмо. В то время, когда он пишет, звучат песни по ради, время от времени прерываемые сводками новостей, которые рассказывают о победах армии Мак Артура на Тихом океане. В конце-концов он складывает письмо в конверт, заклеивает его и смотрит на Шварца).*

Макгрудер. Как дела, Шварц? Тебе лучше?

Шварц. Да, Уолли. Уколы на самом деле помогают.

Макгрудер. Прекрасно. Держу пари, что тебя выпишут отсюда через неделю.

Шварц. Может быть, парень, может быть. Так или иначе, ты уж точно отсюда выйдешь.

Макгрудер. Да, правда. Я везучий. Я думаю, что все кто выходят отсюда счастливые люди. Понимаешь, даже если ты идешь отсюда в тюрьму, даже в таком случае, это все не важно. Все равно это свобода! *(Он придвигается к кровати Шварца)* И знаешь, что еще, Шварц? Думаю, что я победил свою ипохондрию. Подыши на меня, Шварц! *(С улыбкой, Шварц дует ему на лицо)* Фантастика. Дыхание ребенка! Как дыхание зефира!

(Линвивер входит на сцену слева и подходит к охраннику с бумагами, обращается к Макгрудеру)

Охранник. Хорошо, моряк, бери рюкзак и собирайся.

Линвивер. Напиши мне письмо из Портсмунда. Я буду скучать по тебе, сынок. (*В то время, пока Макгрудер и охранник выходят, он подходит к постели Шварца. Он смотрит на него, затем садится на кровать и берет книгу о магазине для животных*) Что ты читаешь, Шварц?

Шварц. (*Слабым голосом*) Читаю о маленьких собаках. Да, о крохотных собачках.

Линвивер. (*Начинает читать, в то время как звучит песня «Где-то реет звездно-полосатый флаг» и заглушает постепенно его голос*) Хорошее вложение денег, дружелюбные, миролюбивые Чайхуа - одна из самых привлекательных пород в списке собак. Другая порода, на которую стоит обратить внимание - игривые Мексиканские болонки. Женщины составляют большинство из покупателей этой породы, потому что они могут носить их в своих сумочках, заботится и кормить их из рук, удовлетворяя свой материнский инстинкт. Множество раз я спрашивал опытных хозяев магазинов для животных. Правда ли эти маленькие существа более беспокойны, чем большие собаки? Ответ был один и тот же - нет. Мнение, что маленькие собачки более нервные - абсолютный вымысел»...